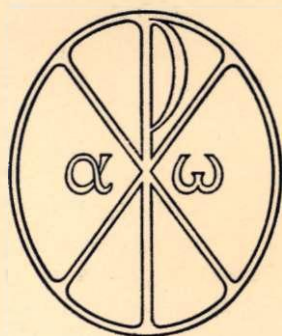

LE MESSAGER
TRIMESTRIEL

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 66-67

III-IV—1962

Прот. Василий Зеньковский — бессменный сотрудник редакционной коллегии «Вестника» Р.С.Х.Д. с момента его возникновения.

СОДЕРЖАНИЕ

Моление за страждущую и гонимую церковь в Советском Союзе. (Послание архиерейского собора Русской Православной Кафолической Церкви в Америке)	2
Отец Василий Зеньковский. (Последние дни о. Василия) — Петр А. Струве	5
Очерк внутренней моей биографии — † прот. Вас. Зеньковский	8
Отец Василий Зеньковский — прот. А. Князев	15
К кончине прот. В. Зеньковского — прот. В. Юрьев	20
Ушедшему — Б. К. Зайцев	22
Отец Василий как общественный деятель — Л. А. Зандер	24
Отец Василий — друг молодежи — И. В. Морозов	27
Памяти отца Василия — Никита А. Струве	33
Памяти моему духовному отцу — Марита Р. Гизетти	35
Очерк моей философской системы — † прот. В. Зеньковский	37
Церковь в Советской России — Н. А. Струве	39
Что мне дало Движение — свящ. Георгий Сериков	55

БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия на книгу «Записи» свящ. А. Ельчанинова — прот. Владимир Родзянко	61
Ад и рай (По поводу двух последних книг П. Н. Евдокимова) — Л. А. Зандер	64

ХРОНИКА

Летний лагерь Р.С.Х.Д. — Ирина Зайончек	74
О жизни и работе в Приходе Введения во Храм Пресвятой Богородицы — прот. В. Юрьев	75

Подписная плата на год: 10 Ф. С целью поддержки: 15 Ф.

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

Abonnement annuel: 10 F. Prix du N° 2,50 F.
 Rédaction: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
 91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.

Протопресвитер Василий Зеньковский

4-7-1881—5-8-1962

Редакция «Вестника» Р.С.Х.Д. шлет своим сотрудникам, читателям и друзьям приветствие и наилучшие пожелания к Новому Году и к празднику РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Раздался голос сострадания и протеста со стороны (части) русского епископата за границей, однако, было бы крайне желательно, чтобы весь зарубежный епископат, несмотря на различие юрисдикций, обратился бы с подобным воззванием к главам свободных православных и инославных Церквей, к международным инстанциям (ООН, Всемирный Совет Церквей, *Rac Romana*), дабы свободный мир открыто, всенародно встал бы на защиту поруганной и страдающей Церкви в Советской России. Обращение епископов Митрополии полагает этому доброе начало. Но для большей действительности необходимо объединение всех.

Редакция.

Моление за страждущую и гонимую Церковь в Советском Союзе

ПОСЛАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КАФОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В АМЕРИКЕ

Возлюбленные отцы, братья и сестры!

С большой скорбью и тревогой мы обращаемся к вам, прося ваших молитв и сочувствия глубокого к нашим братьям, верующим людям, живущим в пределах Советского Союза. За последнее время на них обрушивается все более и более волна организованной антирелигиозности. Под разными предлогами закрываются многие храмы, преследуются, арестовываются и общественно в печати унижаются архипастыри и пастыри. Священникам не даются требуемые разрешения на исполнение их пастырских обязанностей или отнимаются от тех, кто их имеет. Ушедший или уволенный на покой священнослужитель не имеет права даже служения в храме. От пастырей отнято право посещения своих прихожан, которых они призваны и хотели бы утешить и укрепить в вере. Пастыри отрезаны от пастырского общения с детьми. Церковь лишена возможности оказывать материальное или духовное милосердие людям; от нее отнято, с древности ей присущее право милосердного попечения.

Верующие испытывают полную связанность, они лишены возможности печатно или устно благовествовать свою веру, следовать велениям своей совести, защищать истину святой веры от нападков, инсинуаций и клеветы. Все более и более дерзкой становится анти-

религиозная кампания... От верующих отнимается, обещанная им конституцией, свобода совести. Свобода совести верующих граждан всячески ограничивается и умалется. Штурм веры в Бога идет по всей линии государственной жизни.

Мы можем только сочувствовать тем, выезжающим за границу иерархам и пастырям, которые — как мы это видим — не имеют права откровенно сказать окружающему миру в каком трудном, страдальческом положении находятся они и их Церковь. Они принуждены говорить, что Церковь и все верующие люди пользуются полной свободой в своей церковной жизни. А внутри страны их принуждают выступать по злободневным политическим поводам и говорить односторонние политически-пропагандные слова, унижающие перед всем миром их церковное апостольское достоинство и дух православной веры.

Наше христианское слово иерархическое не должно иметь ничего общего с каким-либо политическим действием, с каким-либо государственным заказом, или международной полемикой. Мы считаем своим долгом выступить перед вами, своей паствой и перед всеми верующими в Бога людьми, во всех странах и народах мира, с указанием и предупреждением. Открытая среди русского народа, но скрываемая сколь возможно за границей, продолжающаяся и все усиливающаяся дерзкая борьба против Создателя мира и Отца Небесного всех людей, не может не привести к катастрофе, не может не вызвать великих потрясений и разрушений в мире. «*Бог поругаем не бывает*». Рано или поздно придет возмездие Небесного Огня, в ответ на раздувание людьми гибельного огня безбожия. Как на боровшихся против Церкви Божией коричневых партийцев Германии, оно не может не притти и в те страны, где идет открытая война против Всевышнего — да будет благословенно Его имя — в страны, где организовано кощунство, идет борьба со Словом, Духом Господним и преданными Богу душами!

Молитесь, братья, да помилует Господь народы, охваченные огнем открытого хуления имени *Божия, борьбой против Христовой Церкви и Ее пастырей*... Да осознают гонители и богохульники все гибельное значение для них — и для всего мира — того, что они делают, — да раскаются и обратятся к Богу! И пусть не считают долготерпение Божие признаком Божьего бессилия. Апостол Петр ясно говорит человечеству: «...знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным похотям и говорящие: «где обетование пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали

умирать отцы, от начала творения, все остается так же"... И так поясняет Апостол Петр: "не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию. Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда земля и все дела на ней сгорят. Если так все это разрушится, то какими должно быть в святой жизни и благочестии вам, ожидающим и желающим пришествия дня Божия, в который воспламененные небеса разрушатся и разгоревшиеся стихии растают? Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда". (2-е Петра: 3, 3-4 и 9-13).

Слово Божие предупреждает об этом людей во всех концах мира. Верующим это предупреждение — к терпению и борьбе за веру и правду Божию, а неверующим — к покаянию, отращению от злых дел и спасению. Да будет так!

В неделю Святых Праотцев, 30 декабря сего 1962 года, устанавливаем всецерковное покаяние пред Господом, моление за страждущую Церковь и гонимую веру. Единными устами и единым сердцем помянем гонимых, верующих на русской земле. В покаянии своем пред Богом вознесем нашу молитву.

Благодать и милость Господа нашего Иисуса Христа, славимого и покланяемого во Святой Троице, да будет со всем вами. Аминь.

Подписали Архипастыри, участвовавшие в Соборе:

Смиренный *Леонтий*,
Архиепископ Нью-Йоркский, Митрополит всея Америки и Канады,
Смиренный *Веншамин*,
Архиепископ Питтсбургский и Вест-Вирджинский,
Смиренный *Иоанн*,
Архиепископ Чикагский и Миннеаполисский,
Смиренный *Никон*,
Архиепископ,
Смиренный *Приней*,
Архиепископ Бостонский и Нью-Инглендский,
Смиренный *Иосиф*,
Архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский,
Смиренный *Киприан*,
Епископ Вашингтонский.

Нью-Йорк, 1962 г.

Петр А. СТРУВЕ

Отец Василий Зеньковский

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ *)

Ввиду того, что о. Василий скончался в каникулярный период, многие его духовные дети и друзья не находились в Париже и остались в неизвестности, что касается последних дней жизни горячо-любимого пастыря. Этот пробел и постараются заполнить нижеследующие строки.

Страдая уже несколько лет болезнью желчных путей, о. Василий Зеньковский не поступил 10 мая в госпиталь Божон для уточнения диагноза. После длительных исследований было решено подвергнуть больного хирургическому вмешательству. 14 июня о. Василий благополучно перенес тяжелую, четырехчасовую операцию (удаление желчного пузыря и камней желчного протока). К сожалению, в скором времени начали появляться первые признаки тех осложнений, которые должны были его свести в могилу (уремия). В конце июля о. Василий стал постепенно впадать в забытие и в первых числах августа положение стало очень тревожным. В пятницу 3 августа, больному стало неожиданно значительно лучше. Увы, это длилось очень недолго и в субботу 4-го, всякая надежда была потеряна, несмотря на то, что еще были заметны проблески сознания. Так, причащаясь в последний раз св. Христовых Тайн, о. Василий поправил сбившегося от волнения священника. Днем, услышав «Архангельский глас», который ему напевала Н. К. Рауш, он нашел силы приподняться и приоткрыть глаза.

В воскресенье в два часа утра началась тихая агония. У кровати умирающего находились Нина Константиновна Рауш и Таисия Ивановна Смоленская. Прочитав канон на отход души, они начали петь Пасхальный канон и в 3 ч. 30 м. утра под пение «Христос Воскресе» о. Василий тихо перешел в вечность.

Прежде чем приступить к описанию отпевания и похорон, мне хотелось бы от лица всех близких и друзей о. Василия выразить нашу глубокую благодарность Нине Константиновне Рауш. Своим вниманием, неустанными заботами и глубокой любовью она создала для о. Василия ту семейную обстановку, в которой он так нуждался во время своей длительной болезни, особенно в послед-

*) Настоящая статья была напечатана в газете «Русская Мысль», 13-IX 1962 г.

ний период, в госпитале, когда Н. К. Рауш почти безотлучно дежурила у его постели.

Благодаря очень милому отношению католического священника при госпитале тело о. Василия было положено в отдельной комнате, где и служились панихиды. Во вторник гроб был перевезен в Введенскую церковь.

Чтение Евангелия над прахом почившего прерывалось многочисленными панихидами, причем нужно отметить участие в них как членов Московской Патриархии, так и представителей Русского Зарубежного Синода. Вечером был совершен парастас. Протопресвитер Виктор Юрьев, настоятель Введенского храма, произнес надгробное слово, подчеркнув редкие пастырские качества о. Василия, который являлся духовным отцом большинства прихожан.

В среду 8 августа, после заупокойной литургии, началось торжественное отпевание. Перед его началом было произнесено протоиереем Георгием Флоровским, профессором Харвардского Университета, короткое слово о той важной роли, которую почивший протопресвитер сыграл в развитии русской богословской и религиозной мысли и о том вкладе, который он сделал в сокровищницу русской культуры.

Отпевание о. Василия, в сослужении многочисленного духовенства, совершили Высокопреосвященный Архиепископ Георгий и Преосвященный Епископ Мефодий.

В связи с тем, что в Париже состоялось в это время заседание Центрального Комитета Всемирного Совета Церквей (ВСЦ), целый ряд его членов, как православных так и инославных, имели возможность присутствовать на богослужении.

В течение отпевания было произнесено несколько надгробных слов. Первым выступил пастор Вестфаль, председатель объединения французских протестантских Церквей, напомнив молящимся все то, что сделал о. Василий на экуменическом поприще, особенно в героический период зарождения Экуменического Движения.

Пастор Максвелл, давний друг православных, говорил от имени Виссерт Хуфта, генерального секретаря В.С.Ц., и также подчеркнул значение о. Василия в деле сближения Церквей.

Архиепископ Яков, экзарх Вселенского Патриарха в Америке и один из председателей В.С.Ц., оценил вклад, сделанный о. Василием в православное богословие.

От имени Богословского Института на Халки выступил митрополит Хризостом Мирликийский, а от Богословского факуль-

тета Афинского Университета — профессор Аливизатос, который совместно с о. Василием был одним из организаторов панправославного богословского съезда в 1936 году.

От лица католической Церкви произнес слово Монсеньер Дюмон, директор центра «Истина», один из лучших знатоков православия.

В своем выступлении на французском языке, от имени Парижского Богословского Института, священник Борис Бобринской осветил философский и богословский облик о. Василия и подчеркнул, с каким пафосом покойный профессор призывал к богословскому творчеству в Церкви.

Последнее слово было произнесено Высокопреосвященным Георгием. Архиепископ особенно выделил роль почившего Председателя Епархиального Совета в жизни нашего экзархата, напомнив о жертвенности и терпении, с которыми о. Василий нес повседневные трудности нашей церковной жизни.

Погребение состоялось на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. После панихиды, совершенной преосвященным Мефодием, гроб был обнесен на руках вокруг храма. У раскрытой могилы, после краткой литии, выступил секретарь Русского Студенческого Христианского Движения, Иван Васильевич Морозов. Он с большим волнением и со слезами на глазах прощался от лица Движения с тем, кто был основателем Движения, его вдохновителем, духовным отцом и несменным председателем. В нескольких фразах И. В. Морозов показал, что основной пафос о. Василия было детоводительство ко Христу и что этой цели почивший посвятил всю свою жизнь. Об этом также сказал и о. Леонид Никольский, подчеркнув то громадное влияние, которое имела на него личность покойного профессора Богословского Института.

Богослов, философ, историк философии, психолог, церковный деятель, всем этим одновременно являлся наш незабвенный о. Василий, но в первую очередь для него самого и для нас, он был священнослужителем и пастырем. Любовь, интерес, внимание и заботы, которые он проявлял к своим, более чем многочисленным, духовным чадам, действительно не имели границ.

О. Василий сумел соединить в себе, как некогда о. Сергей Булгаков, широкую и незаменимую пастырскую деятельность с глубоким философским и богословским творчеством, сумел потому, что любовь, которая есть всепросвещающий и всепрощающий Свет Христов, была его единственным оружием и единственной целью.

Очерк внутренней моей биографии

Я был с детства религиозным мальчиком (отец мой, педагог, был церковным старостой и брал меня с собой в храм), таким же оставался и в гимназии — до 15 лет. В 15 лет я стал читать Писарева, который захватил меня целиком, дал мне новое цельное мировоззрение в духе упрощенного натурализма, — и я утерял веру в Бога. Переживал я это очень скорбно, я очень мучился, но истина, мне тогда казалось, лежит в науке — и именно так, как я ее узнал. Но уже в 17 лет я стал читать Ланге («История материализма»), оставившего во мне очень сильное впечатление. С глаз моих спала чешуя, вся относительность безапелляционных утверждений Писарева (и тех, кого он излагал) стала выясняться передо мной со всей силой. Вскоре я очень внимательно прочитал, можно сказать проштудировал, замечательную книгу Гефдингга «Очерк опытной психологии», которая определила доминирующий у меня интерес к психологии. Я стал заниматься философией, налет атеизма исчез бесследно. Веры еще не было, но открылась возможность ее.

Естествознание, которого у нас не преподавали в гимназии, влекло меня к себе; я собственно хотел стать врачом, но задумал сначала основательно изучить естественные науки. В то же время, по почину моего гимназического преподавателя словесности, я приготовил большую работу о Гоголе (к его юбилею в 1902 г.) — для чего изучил всего Гоголя, 4 тома его писем. Эта работа сблизила меня (естественника!) с проф. литературы Н. П. Дашкевичем, практические занятия которого я стал посещать. На втором же курсе естественного факультета (в том же 1902 г.), я поступил в семинар проф. Челпанова и стал заниматься у него психологией и философией (еще до его отъезда в Москву в 1905 г. я написал у него специальный этюд — «По поводу исследования Binet о памяти», который был напечатан в журнале «Педаг. Мысль»). После отъезда Челпанова в Москву его семинар, с согласия факультета, перешел в мое ведение, которое было оформлено только в 1910 г., когда я окончил Университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

Занятия мои на естественном факультете были тоже интенсивны; я много работал по всем дисциплинам, но особенно много за-

нимался электрохимией (у пр. доц. Плотникова), позже, электрофизиологией растений (у проф. Пуриевича), у которого писал и кандидатскую работу). Государственных экзаменов на естественном факультете я не держал (хотя все зачеты и работы успел сдать), перешел на филологический факультет — сначала на философское, а потом классическое отделение. Из занятий по срав-

нительному языкознанию (у проф. Кнауэра) у меня выросла работа, напечатанная в «Университетских Известиях» («О функции сказуемого»). Из моих занятий по философии выросло две работы, напечатанных в «Вопросах Философии и Психологии» («Платон в истолковании Наторпа» и «Принцип индивидуальности в психологии и педагогики»).

Все студенческие годы я тратил не мало времени на общественную работу (в Университете я пробыл 9 лет: с 1900 по 1904 на естественном факультете, с осени 1904 по 1909 на филологическом факультете). Еще в гимназии, когда мне было 15-17 лет,

я мечтал стать народным учителем, много читал по этому вопросу. А в студенческие годы, кроме Университетского Семинара, увлекался социальным вопросом.

По окончании (1909 г.) Университета, я был оставлен для подготовки к профессуре, — в то же время А. В. Жекулина пригласила меня читать лекции на Женских Курсах (я читал курсы «Введение в философию» и «Психология детства»). Еще через год я был приглашен читать курсы общей психологии и психологии детства в Институте дошкольного воспитания, в котором скоро занял место директора.

С 1905 г. я активно участвовал в религиозно-философском обществе, возникшем в Киеве; по окончании Университета стал его председателем.

В студенческие же годы произошло мое окончательное возвращение в Церковь (1902 г.). Произошло это так: для сдачи (обязательного тогда) экзамена по богословию, я изучил «Апологетику» о. Светлова, которая настолько меня увлекла, что я в течение года без конца читал Отцов Церкви, различные сочинения по религиозным вопросам. К этим же годам относится мое увлечение Вл. Соловьевым; с 1905 г. я стал писать религиозно-философские фельетоны в разных изданиях, что меня сблизило с о. С. Булгаковым (тогда еще не священником). Мы вместе с ним и другими лицами издавали религиозную (левую) ежедневную газету «Народ», которая, однако, на 8 номере была закрыта.

В 1912 г., я сдал магистерский экзамен и начал писать диссертацию на тему «Проблема псих. причинности». Летом 1913 и 1914 г. я работал для диссертации в Германии, но в 1914 г., когда я возвращался в Россию в канун объявления войны, часть материалов пропала. Все же в 1915 г. книга моя была напечатана; защищал ее в 1915 г. в Москве (у проф. Челпанова), где и получил степень магистра философии. С 1916 г. был уже экстраординарным профессором по философии в Киевском Университете.

Мне пришлось читать много лекций, писать; по предложению С. Н. Булгакова я приготовил к печати книгу о Гоголе (в издательстве М. К. Морозовой «Путь»), но у меня вышло 2 тома, а издательство требовало (как для всей своей серии) одного тома, — на этом мы разошлись. Книга моя начала печататься в журнале «Христианская Мысль», было напечатано (до революции) только 1/4 всей работы — остальное все пропало.

Наступили события (революция 1917 г.), которые прервали все мои литературные и научные затеи; помимо своей воли я был вовлечен в политическую работу и мне пришлось — когда всюду победили большевики — покинуть Россию (в январе 1920 г.).

Заграницей судьба моя сложилась сначала очень тяжело. Я попал в начале в Белград, где скопилось много русских ученых крайне правого направления. Меня считали очень левым (что не отвечало действительности) и я никак не мог, благодаря интригам коллег, получить место в Белградском Университете. Лишь участие Сербского Патриарха, узнавшего меня на одной лекции на церковные темы, привело к тому, что я получил место профессора — сразу на двух факультетах — философском и богословском.

Я пробыл в Белграде 3 года. За эти годы я написал две книги — «Психология детства» (вышла в Берлине в 1922 г.) и по-сербски «Русские мыслители и Европа» (русское издание вышло в УМСА-Press в 1926-1927).

Второе, чем была отмечена моя жизнь в Белграде — это сближение с русской молодежью. Меня пригласили мои слушатели и слушательницы в их кружок — православный. Я очень охотно посещал кружок, на всю жизнь полюбил молодежь и религиозную работу с ней, — это было начало действительно нового периода моей жизни. Мы собирались раз в неделю в частной квартире и вели беседы на разные темы, все освещая с православной точки зрения.

Весной 1923 г. я получил приглашение на Обще-эмигрантский педагогический съезд, на котором мне пришлось председательствовать. После съезда организовалось Педагогическое Бюро по делам зарубежной русской школы, где я стал председателем. Это требовало моего постоянного присутствия в Праге и я принял предложение только что возникшего в Праге высшего педагогического института занять кафедру экспериментальной и детской психологии. Но отъезд из Белграда не разорвал моих новых связей с молодежью на религиозной почве: в том же 1923 г. состоялся в Чехии съезд русских религиозных кружков молодежи из всех стран рассеяния. Я принял живое участие в этом съезде, который положил начало Русского Студенческого Христианского Движения (председателем которого я состою до сих пор). Эти три новых дела — ведение Педагогического Бюро, лекции в Педагогическом Институте и ведение Русского Студенческого Христианского Движения заполнили меня совершенно. Я не бросал научной работы, но мое время и моя душа были преимущественно отданы этим делам. Уже в эти годы (как и в дальнейшие) я много ездил по всем собраниям русского рассеяния (от Финляндии до Болгарии). Но в 1926 году, чешское правительство прекратило свою субсидию Педагогическому Институту, и я, воспользовавшись предоставленной мне Рокфеллеровской стипендией, поехал в Америку со специальной целью — изучить постановку религиозного воспитания в Америке.

Я пробыл в Америке 9 месяцев и вернулся в Париж летом 1927 г. — где уже и остался, как профессор Богословского Института. С 1927 г., в мою жизнь вошло еще одно дело — Религиозно-Педагогический Кабинет. С этого же времени началось усиленное мое участие в различных международных экуменических

комиссиях и съездах. Это же связало меня и с православными странами на Ближнем Востоке. Описать все то, что приходилось мне делать и писать за это время не могу, — это потребовало бы слишком много места.

Жизнь текла густым, непрерывным потоком. В 1938 г. я был на съезде в Швеции и оттуда проехал в Финляндию, чтобы навестить о. С. Четверикова, жившего тогда в Валаамском монастыре. На несколько дней погрузился я в тихую жизнь монастыря, — это было видение старой России в ее монастырском лике. А в 1939 г., вспыхнула вторая мировая война, — и за день до объявления войны французские власти арестовали меня и вместе с другими «suspects» отправили в Santé (1). 40 дней прожил я в одиночной камере, не был ни разу допрошен. Священника со св. Дарами допустили ко мне впервые через 3 недели... А через 40 дней пребывания в Santé отправили на юг в лагерь Vernet. И там меня не допрашивали, но жилось легче там — я был среди людей, мог работать (много писал). Американские друзья устроили мне возможность уехать в Америку; все было готово, но за несколько дней до отъезда я, по приказу немецких властей, был вызван в Париж, как «свидетель» по неизвестному мне делу. Немцы охотились за одним человеком, бывшим в лагере, но хотели прикрыть этот вызов одновременным вызовом по **фиктивному** делу других лиц, в число которых попал и я. Так кончился мой арест (длвшийся в целом 14 месяцев), я был возвращен к своей обычной деятельности.

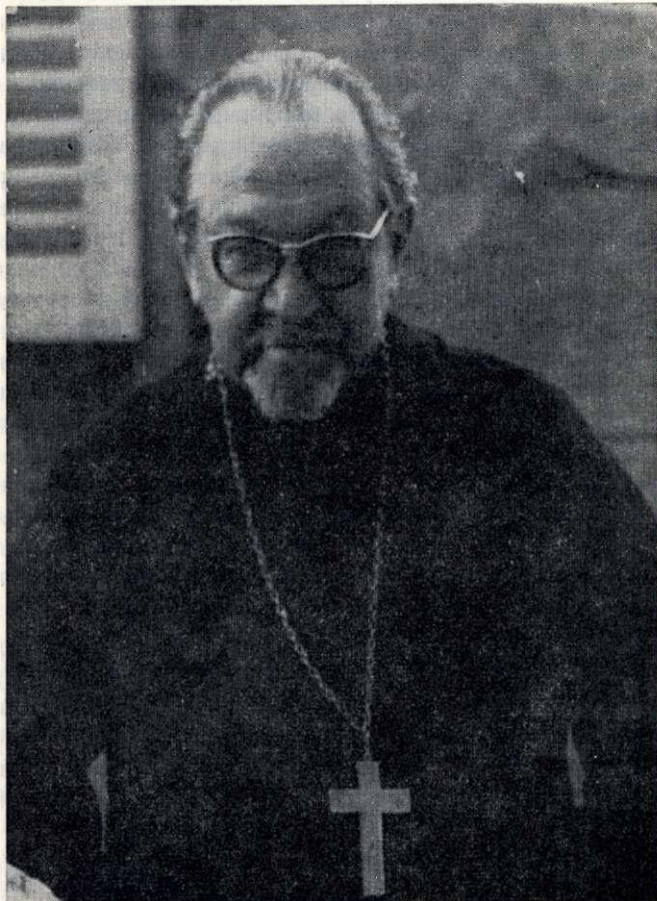
Пребывание в одиночке в Santé, а затем в лагере привели меня к решению принять священство. Митрополит Евлогий рукоположил меня (в марте 1942 г.). Еще до войны я был приглашен к участию в Епархиальном Совете (как мирянин), после рукоположения остался в составе Епарх. Совета; после 1953 г., пришлось стать председателем Еп. Совета, от чего я смог освободиться лишь в сентябре 1957 года.

Некоторые мои слушатели в Богословск. Институте настояли на том, чтобы я привел в порядок мои чтения по истории русской философии. Я не надеялся, что удастся напечатать мою работу, но те же слушатели добились ее напечатания в УМСА-Press (1948-1950). Один американец, знаток русской философии (G. Kline) взялся ее перевести на английский язык, а мой слушатель в Бого-

1) Центральная тюрьма в Париже.

сковск. Институте, известный переводчик К. Я. Андроников перевел ее на французский язык. Книга моя широко раздвинула мои связи с ученым миром в разных странах. Так из одной поездки в Мюнхен выросла небольшая книга (по-немецки): *Das Bild des*

Menschen in Ostkirche. Несколько позже я издал брошюру «Наша эпоха», где в очень сжатой форме дал философский анализ современности и ее основных течений.

В последние годы я усиленно работаю над выработкой основ христианской гносеологии. Вчерне книга моя написана, но я без

конца продолжаю перерабатывать текст. Надежды напечатать эту книгу нет, — поэтому где могу, печатаю отдельные главы.

О других многочисленных статьях, написанных за последнее время, упоминать не стоит. Пора бы все собрать в цельном издании, но эта задача, в условиях эмиграции, неосуществима.

Прот. А. КНЯЗЕВ

Отец Василий Зеньковский*)

О покойном отце Василии хочется сказать очень многое. Это желание и чувство сейчас разделяют многие из нас. Они продиктованы как скорбью по ушедшем, так и острым восприятием той воистину зияющей пустоты, которую смерть отца Василия породила, как в рядах русской науки и мысли, так в православной церковной общественности и, тоже, во многих и многих душах. Отец Василий покинул этот мир после долгой и тяжелой болезни, которая, хотя и медленно, но верно делала свое разрушительное дело на виду у всех его близких и друзей. И, тем не менее, кончина отца Василия оказалась для всех полной неожиданностью, потому что уже давно, за десятилетия своей многосторонней и разнообразной деятельности, покойный отец Василий для многих, если не для всех, занял место решающего авторитета в вопросах самых важных, и притом, самого разнообразного характера и порядка.

Он был одним из самых выдающихся представителей русской старой университетской науки, достигшей столь удивительного блеска перед войной 1914 года. Свою ученую карьеру он начал с естественных наук, чтобы от них перейти к философии, психологии и педагогике, а затем, уже здесь, за границей, оказаться пионером в деле создания христианской антропологии, то-есть христианской науки о человеке, дисциплины почти не существовавшей до самых наших дней. Он был одним из основателей парижского Русского Богословского Института имени преп. Сергия Радонежского. С первого дня его существования до самой своей кончины

*) Статьи проф. А. Князева, Б. К. Зайцева, Л. А. Зандера, И. В. Морозова и Н. А. Струве были прочитаны на собрании памяти о. В. Зеньковского, состоявшемся в Париже 11 ноября 1962 г.

о. Василий вел в Богословском Институте преподавание всех философских дисциплин, а после смерти о. Сергия Булгакова он стал его бессменным деканом. В 1924 году, когда возродилось заграницей возникшее перед великой войной в России Русское Студенческое Христианское Движение, о. Василий, тогда еще профессор Василий Васильевич Зеньковский, был избран его председателем и на этом посту он тоже оставался до самой своей кончины. В 1942 году, по настоянию покойного митрополита Евлогия — и по собственному влечению, В. В. Зеньковский принял священство. В священстве его влияние еще более возросло и усилилось. Став священником, о. Василий вдруг по-новому вырос и расцвел и, притом, с удивительной быстротой. В Движении, когда умер о. Сергей Четвериков, о. Василий Зеньковский сразу занял положение фактического общепризнанного духовного руководителя всей организации. В нашем Западно-европейском русском Экзархате, с самого дня своего рукоположения, он оказался среди наиболее видных представителей духовенства. Ему выпадало председательство на епархиальных съездах, он председательствовал и в епархиальном Совете. Покойный митрополит Евлогий намечал его в епископы, мечтая сделать его своим преемником, от чего о. Василий отказался как по свойственному ему смирению, так и по состоянию своего здоровья. Но он продолжал заниматься самой разнообразной общественной и просветительной деятельностью, участвуя в съездах Движения, в экуменических встречах, в миссионерских поездках, в создании Высших Женских Богословских Курсов и в преподавании на них. Но особо надо отметить в связи с памятью об о. Василии, то, что он, при всем этом, оказался духовным отцом целого сонма душ. Среди его духовных чад были как миряне, так и многочисленные священники, как старшее поколение, так и молодежь, как люди высокообразованные, так и некнижные простецы.

Да, о покойном отце Василии сказать много не только можно, но и должно. Но ограниченность времени, как и количество ожидающих своей очереди ораторов, не разрешает мне задерживать внимания почтенного собрания. Из всего обширного богатства материала, которое можно было бы привести как о личности, так и о деятельности о. Василия, а также о его значении в истории русской мысли и русского богословия, я остановлюсь, поэтому, лишь только на том, что меня лично больше всего с ним связывало.

С ним я встретился впервые в 1933 г., когда я вступил в Рус-

ское Студенческое Христианское Движение. Сблизился с о. Василием я, главным образом, через Введенскую церковь, где мы вместе трудились: он был церковным старостой, а я — прислужником и чтецом. Каждый год мы оба, перед светлой заутреней, принимали участие в чтении Деяний Апостольских, причем он неизменно просил, чтобы оставили на его долю рассказ о посещении ап. Павла Афин, столицы античного любомудрия, и о проповеди апостола языков перед представителями греческой философии, собравшимися на афинском Ареопаге. Скоро в Богословском Институте я стал слушать лекции о. Василия по философии, психологии и апологетике. Его религиозный подход к философии и психологии, которые я уже прослушал в светской школе, помог мне усвоить целостное представление об этих дисциплинах. Но когда предо мной открылась ученая и профессорская деятельность, я не пошел по чисто-философскому пути отца Василия. Зато, когда я принимал священство, это он был моим руководителем: он был свидетелем моей ставленнической исповеди, он остался после этого моим духовным отцом до самой своей смерти. Поэтому я посвящаю оставшую часть моего слова духовническому дару о. Василия. Я сделаю попытку определить, в чем заключалась та главная духовная помощь, которую обрели у о. Василия все бесчисленные духовные чада, толпившиеся перед исповедальней в Введенской церкви, или ожидающие своей очереди перед дверями скромной квартиры о. Василия на улице Georges Pitard.

Отец Василий был от природы человеком религиозно одаренным. Свою природную религиозность он приумножил и развил выполнением ежедневного молитвенного правила и, не взирая на все свои не поддающиеся учету остальные обязанности, таким же неуклонным, ежедневным молитвенным чтением Священного Писания как Ветхого, так и Нового Завета, прибавляя к этому и чтения из духовной письменности. Он был тоже человеком и редкой природной доброты, которая, несомненно, составляла главную отличительную черту его характера. Она и помогала ему быть уже заранее открытым для всякого, приходящего к нему. К сказанному присоединялся весь огромный опыт, накопленный о. Василием: общественный, научный, общественно-церковный. Этот опыт позволил отцу Василию, в момент принятия священства, быть обладателем всестороннего знания о человеке, как научного, теоретического знания о человеке, так и жизненного, прикладного. Претворенное благодатью священства, все это богатство человечности, любви и

знания позволяло отцу Василию, как духовнику, с особой силой убедительности раскрывать каждому всю правду о нем самом и, тем самым, ставить его на путь, ведущий к жизненному знанию Бога .

Поэтому никто другой не умел так, как это умел покойный о. Василий, легко и быстро помочь человеку разобраться в запутанности своего внутреннего мира, а также и в омраченной грехом такой же сложности его внешних отношений личных, семейных, общественных и часто, увы, и церковных. Никто как он не устранял так убедительно и умело те ложные препятствия к вере в Бога, которые невежество, незнание, псевдо-наука, а, иногда, и закоренелость в грехе стремятся воздвигнуть в нашем мире между душой и Богом. Никто как он так не вооружал терпением души скрупулезные, сомневающиеся в возможности для них спасения, внушая им веру в добро, в свет Христов, просвещающий и освящающий всякого человека, неумолимо повторяя им истину, засвидетельствованную сыном Сираховым о том, что Премудрость приходит в мир извилистыми путями, то-есть о том, что знание Бога, понимание его путей и умение жить согласно Его воле не обязательно приходит в души быстро и просто, но иногда, после долгих исканий, испытаний и срывов. Это, конечно, утешало, ободряло, но тоже заставляло кающихся трудиться над собой. Но, порою, все это, вместе соединенное, позволяло покойному о. Василию приводить души кающихся к подлинному, чудесному, благодатному обращению. Поставляемые им пред Богом, иногда во всей суровой правде о себе, но согреваемые при этом любовью Божией, обращенной к ним через любовь и благодать о. Василия, они вдруг открывали, что они тоже сыны Авраамовы, иначе говоря, что и они несут в себе образ Божий, где-то светящийся в них, несмотря на глубину их греха, что Бог их тоже любит, что и для них пришел Христос, что и для них открылось Царствие. Повторялось чудо обращения Закхея. Для души начиналась новая, светлая, благодатная жизнь.

Около столетия тому назад, десницею великого русского святителя, митрополита московского Филарета, был призван ко священству профессор церковной истории Александр Васильевич Горский. Рукоположение А. В. Горского было событием в истории православного пастырства: им было положено начало русскому мирскому ученому священству. В начале русской революции, в той же Москве, по благословию другого великого святителя русской

православной Церкви, святейшего патриарха Тихона, был рукоположен в иереи профессор Сергей Николаевич Булгаков, тоже выдающийся ученый и мыслитель. Став отцом Сергием Булгаковым, он еще более прославил русскую религиозную мысль, а вместе с ней и русское литургическое благочестие и русское духовничество. А в 1942 г., здесь, в рассеянии, митрополит Евлогий, который, без всякого сомнения, тоже может быть причислен к сонму крупнейших русских иерархов, рукоположил заслуженного профессора и философа Василия Васильевича Зеньковского, который сделался нами ныне оплакиваемым отцом **Василием**. Это рукоположение составило тоже событие первой важности в истории русского, и, вообще, в истории православного пастырства. Оно определило возможный, новый курс этой истории на многие десятилетия, если не на столетия. Оно показало новый путь, открывающийся перед православным пасторством в наши дни. Не говоря о прочих заслугах о. Василия, в частности, о том, что сделано им в области православной философии, можно с уверенностью сказать, что именно о. Василию дано было воочию явить в его священствовании, каким духоносным и незаменимым орудием, вместе с личной духовностью, могут оказаться в деле окормления христианских душ наука, культура и знание, освященные духом благодати. И, несомненно, в наше трудное время дух Божий, через пример отца Василия, определенно велел православному пастырству решительно встать на этот путь, хотя и новый, но уже сравнительно давно пред ним намечавшийся. От осознания его необходимости и неизбежности зависит во многом обновление церковной исторической действительности. В принятии его и следовании ему — залог многих побед веры над современным неверием. И, потому, в селения праведных да примет Господь благодатную душу почившего отца Василия, который возлюбил воистину много и тем самым великим оказался по плодам всего сотворенного им на этой земле.

К кончине прот. В. Зеньковского

Слово Протопресвитера Виктора Юрьева на Парастасе
7 августа 1962 г.*

Амвросий Оптинский на вопрос, почему люди умирают в разных возрастах, одни — пресыщенные днями, другие — молодыми, а иные младенцами, отвечал так: — «Господь каждому человеку по его силам дает в этой земной жизни дело, которое человек должен и может, т. к. Господь ему в этом помогает, сделать, и, когда человек сделает дело, то Господь его берет к Себе. Господь также прекращает жизнь на земле тех людей, которые уже так погрязли в грехе, что уже не могут покаяться, как это было во время всемирного потопа. Остальные люди могут покаяться и, покаившись, сделать дело, порученное им Богом на земле».

Наш дорогой отец, брат и сослужитель о. Василий сделал дело, порученное ему Богом! В этом для нас нет никакого сомнения. И, исполнивши это дело, он отошел в горние обители на вечный покой.

Для исполнения порученного ему Божьего дела, о. Василий был очень богато одарен Богом: большим умом, даром слова, даром душевительства и душепопечения. И всеми этими дарами он преуспел и приумножил их. Не достанет времени, чтобы описать и перечислить его ученую, всю проникнутую Христовым светом, деятельность... А все его письменные труды!.. А его проповеди — всегда по существу; он всегда в них, по слову Христову, «закидывал в глубину» и всегда связывал с практикой жизни христианской. А его многочисленные духовные чада и по приходу и по Движению!.. Тянулись к нему страждущие души, потому что он был не только исповедником, но сострадал кающемуся и страждущему, брал на себя тяготы греховных душ, приходивших к нему.

О. Сергей Четвериков, в ответ на наше поздравление ему ко дню пятидесятилетия его священства, прислал нам свое последнее прощальное письмо, в котором между прочим писал: «Я не претендую себя сравнивать с Моисеем, но частичка Моисеева духа

* «Русская Мысль» — 4-IX-1962.

во мне была...» Эти слова мы, его духовные чада, могли бы сказать об отце Василии.

И при всех этих дарованиях, при всех многочисленных и важных делах, которые поручались о. Василию, он не возгордился, не самоуслаждался своими успехами и почти всемирной известностью. Скромность была отличительной чертой о. Василия, которую он проявлял всегда.

После последней войны у нас в Экзархате было такое время, когда у нас был только один епископ — митрополит Владимир, человек пожилой и не очень крепкого здоровья. Пошли разговоры о том, что нам надо иметь еще епископов, назывались кандидатуры... Спрашивали некоторые и о. Василия, согласился ли бы он стать епископом? И даже один из наших прихожан, упреждая события, пожертвовал в наш храм для будущего епископа Василия две рипиды, и дикирий и трикирий... Но отец Василий, будучи очень остроумным и любившим иногда пошутить (его шутки были всегда полны глубокого смысла), отвечал на предложение стать епископом такой шуткой: «На плохую лошадь ставите». Но и в этой шутке заключен глубочайший духовный смысл: первое — это сознание своей физической немощи и боязни, что он не сможет по своей слабости, благоговейно совершать архиерейские службы, а второе — это то, что его отказ был в духе отказа преп. Сергия Радонежского от сделанного ему митрополитом Алексием предложения стать его заместителем.

По скромности о. Василий не носил всех наград иерейских (а он их имел все, включая и митру и право ношения второго креста --- последняя иерейская награда). Награды, возложенные на него правящим епископом (набедренник, палицу, золотой крест) он, будучи церковно дисциплинированным, носил, но так и не собрался, чтобы возложили ему митру и второй крест.

По скромности он отказался от всякого общественного празднования своего 80-летия, 50-летия научной деятельности, но будучи миролюбивым, и не желая огорчать близких ему людей, согласился, чтобы его юбилеи были отмечены в семейной среде Движения и прихода.

Другой отличительной чертой о. Василия было его миролюбие, старание всех примирить. «Блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся». Эти слова Христовы совершенно применимы к о. Василию. Миролюбие и дружелюбие — вот что заповедал нам о. Василий своей жизнью, деятельностью и словами.

Мы все, его духовные чада, чувствуем себя осиротевшими, но есть в нашей горести утешение. Мы будем легко и дерзновенно молиться, чтобы Господь упокоил душу о. Василия в небесных обителях, и верим, что, когда предстанет о. Василий на честный суд перед Престолом Божиим и должен будет давать отчет о своей жизни, то у него есть, что принести Господу.

Верим и чувствуем, что о. Василий услышит тогда блаженный глас Господа: «О, добрый рабе и верный! в малом был еси верен, над многим тебя поставлю! вниди в радость Господа Твоего!» И будет о. Василий за всех нас молитвенником перед престолом Божиим и этими своими молитвами будет продолжать светить нам!

Со святыми упокой, Господи, душу раба Твоего, идеже несть болезнь или воздыхание, но жизнь бесконечная!

Борис ЗАЙЦЕВ

УШЕДШЕМУ

В России мне не приходилось встречаться с о. Василием (он не был тогда священником и лекции читал не в Москве). И в эмиграции помню его еще штатским, на 10, boul. Montparnasse, где обитала тогда УМСА. Там выступал живописный Бердяев, Выше-славцев элегантный и о. Сергей Булгаков.

Многое говорилось, не помню точно о чем, но о «божественном» разумеется.

Василий Васильевич Зеньковский был вот какой: в очках, в сером костюме, приветливый и благосклонный, от слов его, от улыбки, всего существа исходило некое благоволение.

Оно прочно сидело в нем. Он и сам ученый, профессор, автор книг разнообразных (не мне судить о них, по существу, но то, что я читал, глубоко-серьезно и как-то внутренне честно. Это чувствуется). Книги... — мало ли все мы, писатели, пишем книг, этим в сословии нашем не удивишь, а вот направленность к людям, сердцам человеческим, к молодежи — этого я у нашего брата мало встречал — у философов ли, поэтов, беллетристов — и сам дару такому завидуя и ценю его высоко.

У о. Василия именно это и было. Его к людям тянуло, и не затем, чтобы навязывать им что-то, а чтобы передавать свет, зна-

ния, благодать. Но для этого надо иметь душу приемницу, душу передатчицу, вот тогда будет общение. Видимо, всегда влекло к этому Василия Васильевича Зеньковского, профессора, писателя и педагога в сереньком костюме. Не удивительно, что будучи всегда христианином, он в некую минуту из профессора христианской философии, психологии обратился в священника о. Василия, в рясе и с крестом на груди. Ряса не помешала ему впоследствии написать ни «Апологетику», ни недавно вышедшего «Гоголя», ни другое, но она еще приблизила его к человечеству, на природную его склонность наложила особый, выше-мистический оттенок. Вот он исповедует перед причастием, он должен ободрять, укреплять, утешать — тут особенное поле его делания. И это чувствуют. Сразу почувствовали в нем «пастыря доброго». Мягкость, сочувствие, излучение какого-то природного оптимизма, человечность — как нуждается в этом несущее крест человечество!

А когда говорил о. Василий в храме — всегда кратко, просто и содержательно — речь его доходила особенно.

Неудивительно, что он так сросся и с Русским Студенческим Христианским Движением — Р.С.Х.Д. Молодежь — его поле. «Вышел сеятель сеять» в юные души — он, глава всего Движения (одной из немногих надежд эмиграции). Глава не только формально, но душою и сердцем. Это чувствуют, разумеется, юноши, с разных концов Франции и Европы съезжающиеся на съезды, чувствуют, что они в верных руках. «Я по-настоящему у себя дома именно в нашем Движении», сказал он мне как-то. Не сомневаюсь, что и для «них» он был неким краеугольным камнем. Настоящий, духом и телом пастырь.

Эти последние годы жизнь моя так сложилась, что о. Василий постоянно, с огромной внимательностью и неутомимостью, несмотря на годы свои и немощи, приезжал по утрам к нам со св. Дарами, причащать жену мою и меня. Иногда получал я небольшие записочки от него, что приходится несколько отложить из-за нездоровья. Но потом все наверстывалось и этот старый, больной человек всегда входит с улыбкою и оживлением в наш дом, принося с собой Свет Христов. «Я встаю в шесть часов утра, и несколько работаю сначала...», говорил он. Так вот и начинался его труднический, во многом подвижнический и аскетический день.

Но настал час, когда ему самому, врачу духовному, пришлось отдаться в руки врачей плоти. Он оказался в госпитале — Божон. Шли слухи в нашем мирке, что дело серьезно. Так оно и оказалось.

Когда мы с дочерью навестили его в маленькой — все же от-

дельной — комнатке огромной «врачебной фабрики» за *Porte Clisly*, это был уже не тот о. Василий, который на моей квартире говорил нам с женой, держа Чашу, вечные слова: «Пийте он нея вси, сия есть кровь моя Нового Завета...» Пред нами теперь полу-сидел, полу-лежал худенький, маленький человек, с трудом произносивший несколько слов. Но глаза его стали больше и красивее.

Нельзя сказать, чтобы он был заброшен, одинок в беде. За ним верно ходили и Н. К. Рауш, Т. И. Смоленская, И. Б. Чеснокова, О. С. Субботина и А. В. Морозова.

«Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа».

Мы обнялись на прощание и поцеловались — ему не так легко было и приподняться. Я знал, что это уже в последний раз. Так оно и вышло. И в положенный день, в церкви на *Olivier de Serres*, земно поклонился я уже праху его в гробу.

«Вечная память...» пел тогда хор. Он правильно пел. Да, вечная ему память.

Л. А. ЗАНДЕР

Отец Василий как общественный деятель

...«вся моя жизнь, все мое творчество, все думы и замыслы связаны с Православием».

(Из частного письма отца Василия).

Общественная деятельность отца Василия была для него не повинностью, которую должен платить всякий член общества, а религиозным долгом, служением, подвигом христианина. В этом отношении он принадлежал к тому течению «церковной общественности», которое так ярко заявило себя в религиозно-философских собраниях 1901-1902 г. в Петербурге, в «христианском братстве борьбы» в Москве, в общественной деятельности передового духовенства и церковной интеллигенции, в подготовке церковного собора... Но в России — до революции — все ограничивалось словами (да оно и не могло быть иначе при обер-прокурорской опеке); и странным образом — только после революции, церковная общественность явила себя в силе: в России — в борьбе за цер-

ковь (о которой мы знаем мало), в эмиграции — в стремлении осознать и осуществить общественную работу как служение Православной Церкви. В этой области, о. Василию принадлежит огромная творческая заслуга, осуществленная им главным образом в среде молодежи. Мы имеем в виду его работу в Р.С.Х.Д.

Называть его создателем Р.С.Х.Д. — не верно. Оно возникло само собой — как ответ на переживаемые события, как попытка молодежи осознать свою веру и найти христианский путь жизни. В разных центрах русской эмиграции — в Белграде, в Праге, в Париже стали образовываться религиозные кружки молодежи. О. Василий в то время жил в Белграде и вошел в состав православного кружка, организованного С. М., М. М., Н. М., и В. М. Зерновыми, К. Керном (впоследствии о. Киприаном), Н. Н. Афанасьевым (ныне профессором-протоиереем), Н. М. Терещенко и другими (членом этого кружка был и С. С. Безобразов — ныне епископ Кассиан). В 1923 г., о. Василий переехал в Прагу и встретился с кружком, организованным старыми деятелями до-революционного студенческого Движения — Л. Н. Липеровским, А. И. Никитиным, М. Л. Бреше; этот кружок носил интерконфессиональный характер, хотя большинство его членов были православные. И вот большой заслугой о. Василия было то, что ему удалось объединить не только эти два кружка, но и другие начинания (Парижа, где молодежь группировалась около отца Александра Калашникова; Берлина, где работали С. Л. Франк и И. А. Ильин и др.), в одну организацию, которая и присвоила себе наименование «Русского Студенческого Христианского Движения». Объединить эти начинания было нелегко и не просто. Если все сходились в устремлении искать христианских путей в осуществлении своих жизненных задач, то в ответах на вопрос о том, как их осуществлять — царил большое разнообразие. И Движению, в котором о. Василий, благодаря своему опыту, авторитету и знаниям, а главным образом, благодаря своему желанию и умению «возиться с молодежью» занял место председателя и вождя, предстояло выработать свою «идеологию» — свою программу жизни и деятельности. Эта работа и получила свое осуществление в течении первых 6—7 лет существования Движения, причем формулировались и закреплялись эти результаты на общих съездах Движения, в которых принимали участие делегаты студенческих кружков Сербии, Болгарии, Чехословакии, Франции, Бельгии, Германии, Англии, Польши, Литвы, а затем — Латвии, Эстонии, Финляндии. Работа получила таким образом общеэмигрантский размах.

Для того, чтобы дать некоторое представление об атмосфере этих съездов, приведу суждение о. Сергия Булгакова — судии строгого и ответственного. В частном разговоре он сказал мне: «Конечно, по сравнению с нашими религиозно-философскими собраниями, проблематика съездов Движения довольно элементарна; но в них есть нечто, чего у нас не было: живое соборование церковных людей, страстно и упорно ищущих правых путей...» И действительно: на съездах Движения вырабатывалась идеология церковной жизни, и, казалось, что одно только неправильное решение будет катастрофой для всей Церкви. Это было подлинным исканием, подлинной борьбой людей, сознававших себя братьями по духу и чувствовавших себя ответственными за судьбы Православия. И вот в этой нелегкой работе общественной (вернее, церковной: ведь церковь — еkklesia и означает общество) гений о. Василия развернулся во всю ширь. Он не навязывал своих мнений молодежи; он искал общего пути, но, думаю, что выработанная идеология в точности выражала его убеждение: если он влиял на Движение, то и Движение влияло на него. Поэтому наши решения были его решениями, которые он затем лояльно осуществлял. Какова же была основа этой идеологии, характерной для о. Василия как общественного деятеля? Вот основная линия самоопределения Движения, как я его воспринял и понял: Движение хочет быть православным и церковным (этим преодолеваются соблазны интерконфессионализма и философской отвлеченности), Движение стоит вне (вернее, над) политикой; в нем могут принимать участие как монархисты так и социалисты... (этим отрицался «путь Рейхеналля» и прочих политических и националистических уклонов). В осуществлении своих задач Движение вдохновляется идеалом братства (а не монастыря); оно хочет быть свободным объединением молодежи обоего пола и носит преимущественно мирянский характер. Движение — церковно по своей сущности и своему строю, но чуждо какого бы то ни было клерикализма и официально не подчинено никакой церковной власти; оно чтит иерархов как отцов и учителей, но не как начальников. Наконец: Движение сверхюрисдикционно и вдохновляется идеей вселенского Православия, что, конечно, не означает канонической неопределенности его отдельных членов... Конечно, подобная «программа» вызывала нарекания с разных сторон; и на отца Василия сыпались самые разнообразные и нелепые обвинения, включая «масонство 33 степени» (последнее я сам читал в одном «церковно-национальном» журнальчике). Мы останавливаемся так подробно на Движении,

потому что оно было любимым делом о. Василия; оно бесспорно было тем «местом», где он чувствовал себя «дома». И поэтому, почти все его общественные дела исходили из Движения, как из духовного, административного и даже локального центра (последнее объясняет почему о. Василий до конца своей жизни настаивал на том, чтобы все начинания Движения имели место на rue Olivier de Serres). А общественных начинаний у о. Василия было много: ведь и решение об открытии Богословского Института было принято Митрополитом Евлогием на съезде Движения — в Аржеронне — не без влияния молодых энтузиастов, среди которых оказался о. Василий. А затем следует основание Религиозно-Педагогического Кабинета — с его совещаниями, изданиями и т. п. Высшие женские богословские курсы — любимое детище о. Василия, глубоко убежденного в том, что подлинная христианская миссия не возможна без участия в ней матерей, жен, сестер (история русской Церкви после революции — яркое доказательство этой установки). Лига православной культуры, которая, хотя и имела своими руководителями Г. П. Федотова и Мать Марию, — выросла из основной идеи, которую о. Василий проводил еще в 1923 г. в книге «Православие и Культура» (Изд. «Русская Книга», Берлин, 1923 г.). (В то время это словосочетание было столь ново, что издатель книги ездил спрашивать у философских авторитетов возможно ли вообще такое заглавие книги) .

Во всю эту работу о. Василий вносил не только бесконечное терпение и жертвенность, не только опыт общественного деятеля и энтузиазм церковного работника, но ту присущую ему уютность и простоту, которая свидетельствовала о том, что Царство Божие — не организация и дисциплина, не в успехах и достижениях, а в том как мы живем, чувствуем, движемся и едим.

И. В. МОРОЗОВ

Отец Василий — друг молодежи

Мне суждено было 17 лет быть близким сотрудником о. Василия и общался я с ним прежде всего не как с профессором богословия, не как с крупным специалистом по вопросам философии, психологии, а как с человеком. И любил я, скажу более, восхищался отцом Василием, ибо встречал в нем такие удивительные качества души, которые всегда меня и поражали и вдохновляли.

О. Василий был редким культурным человеком, с громадным багажом знаний, но это не породило в нем ни самодовольной самоуверенности, ни чувства своего личного превосходства, наоборот, он был удивительно прост в обращении. О. Василий был тем редким человеком, который не на словах только проповедывал, но и в жизни, что каждый человек — величайшая ценность. В своем отношении к человеку он проявлял исключительную заботу и любовь к каждому, приходившему к нему. Все находили у него подлинное внимание ко всем своим трудностям и настоящую готовность оказать посильную помощь в преодолении их. О. Василий любил составлять свой бюджет времени, в котором точно распределял время своим многочисленным делам и, несомненно, особое и немалое место уделял он в своем бюджете времени именно всякому, приходившему к нему. Неудивительно поэтому, что у гроба о. Василия стеклось столь большое количество народа, пришедшего поклониться тому, кто жизнью своей явил к ним подлинную христианскую любовь.

Отец Василий всю жизнь боролся с идеей секуляризации культуры и мечтал о том, чтобы человек снова все свои творческие силы отдал бы на служение Богу. Он не ограничился теоретическим анализом этого вопроса, а искал конкретных путей, которые позволили бы от слова перейти к делу. И таким делом для него явилась забота о христианском воспитании нашего юношества и молодежи, которым он отдал больше половины своих дарований и все свое сердце. Отец Василий был основателем, вдохновителем и руководителем всей работы Русского Студенческого Христианского Движения, задачу которого он понимал прежде всего в том, чтобы молодежь привести ко Христу, к Церкви, затем утвердить ее в жизни Церкви и сделать из нее сознательных и ответственных строителей жизни Церкви, которые готовы были бы с ранней молодости отдать свои силы, свои дарования на служение Христу. Отцу Василию была именно дорога мысль, чтобы наша жизнь, все творческие усилия человека во всех его сферах деятельности вдохновлялись бы правдой Христовой, были бы направлены к тому, чтобы явить эту правду как в нашей личной жизни, так и в общественной жизни, чтобы произошло реальное оцерковление всей нашей жизни. Отец Василий стремился к тому, чтобы Церковь Христова не была убежищем, последним жизненным утешением для людей только преклонного возраста, а чтобы она была той силой, где и молодежь черпала бы силы для построения всей своей жизни. В ряде своих книг, о. Василий стремится дать христианское решение вопросам, связанным

с проблемами воспитания детей, юношества и молодежи. В 1924 г. появляется его замечательная книга «Психология детства», затем книга, посвященная юношеству: «На пороге зрелости» и в 1934 г. «Проблемы христианского воспитания в свете христианской антропологии». Помимо этого, о. Василий с 1927 г. по 1961 г. редактирует «Религиозно-педагогический бюллетень», посвященный вопросам христианской педагогики.

Все эти книги, как и все многочисленные статьи в бюллетене, имеют своей целью дать теоретическое обоснование проблемам христианского воспитания и стремятся помочь молодежи преодолеть как соблазны современного атеизма, так и избежать моральных ошибок в ранней молодости.

Неудивительно поэтому, что о. Василий посвятил так много своих сил работе Русского Студенческого Христианского Движения, которое он очень любил. Его последним заветом было «Берегите Движение». Сам он мыслил Движение как живую силу Церкви, как организм, который формирует церковную интеллигенцию, задачу коей он видел в построении православной культуры. Идея построения православной культуры была необычайно дорогой и близкой ему идеей, что и привело его к созданию «Лиги православной культуры». Этим проблемам и были посвящены как сборник «Православие и культура», вышедший в Берлине (1923) под редакцией о. Василия, так и его исследование, посвященное творчеству Н. В. Гоголя. О. Василий видел в лице Н. В. Гоголя одного из основоположников идеи православной культуры, поэтому-то исследованием творчества Гоголя он с перерывами занимался всю свою жизнь, в результате чего и появилась в 1960 г. его книга: «Н. В. Гоголь (жизнь и творчество)».

Усилиями о. Василия были организованы ряд съездов, посвященных именно проблемам православной культуры, к участию в которых о. Василий привлекал видных богословов всей Православной Церкви...

А сколько усилий отдал о. Василий тому, чтобы работа Р.С.Х.Д. ширилась и росла, начало которой было положено в 1923 г. на съезде в Пшерове (Чехословакия). Широко развернулась работа во Франции, Германии, Англии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Эстонии, Латвии, Литве и Финляндии, где устраивались съезды, летние лагеря, кружки по изучению православия, русской культуры, воскресно-четверговые школы, работа с юношеством. Тысячи детей и молодежи, благодаря участию в жизни и работе Р.С.Х.Д., получили возможность приобщиться к богатству

Православной Церкви и почерпнуть в христианстве основы для построения своей жизни. Большинство из них с чувством глубочайшего сожаления узнало о кончине своего бессменного председателя, трудами и усилиями которого было столь многое сделано, чтобы эти тысячи молодежи обрели в христианстве смысл своей жизни.

Ценно было в о. Василии его удивительно бережное отношение к свободе человека. Он никогда не делал никаких попыток хотя бы как-то ограничить человеческую свободу, которую часто стремятся сократить, ибо бояться, что свобода может нанести урон истине. Отец Василий не боялся исканий в свободе, ибо глубоко был убежден, что подлинно ищущее сердце всегда придет к истине, которая обладает внутренней убедительностью, и что истина не терпит ни принуждения, ни насилия, ни ограждения, и что открывается она только на путях свободы. К тому же о. Василий звал, чтобы, именно, в стенах Церкви протекала вся творческая деятельность человека, а творчество вне свободы немислимо. В 1929 г. отец Василий писал в Вестнике Р.С.Х.Д.: «Церковь не нуждается в цензуре, она жива подлинным и свободным признанием ее непобедимой правды, — и только на пути свободы Церковь может вновь занять то место в истории, в системе культуры, которое по праву ей принадлежит».

Громадная заслуга о. Василия заключается в том, что он был настоящим защитником свободы и Движение он направлял итти по пути верности свободе. «Я утверждаю, — писал он в 1929 г., — что Движение не только само идет путем свободы в искании церковной культуры, но что оно на знамени своем несет девиз свободы, что вся идеология Движения связана с принципом свободы». Там же он писал: «Движение верит в творческие силы самой Церкви, а не в внешние для нее силы», поэтому-то он столь терпим был к чужим мнениям, умел терпимо относиться к инакомыслящим.

Отец Василий был наделен редким даром умения прислушиваться к мнению других. И в своей работе с молодежью он прежде всего приучал молодежь к тому, чтобы она была бы открыта, терпима к исканиям своих окружающих, чтобы она училась бы **находить истину, внутреннее единство именно на путях соборования**. Отец Василий писал: «Движение, конечно, ничем не может удержаться в своих рядах молодежь, кроме глубокой и горячей, но и свободной преданности Церкви».

Отец Василий все делал, чтобы молодежь оставалась бы вер-

ной Христу, Его истине, но не на путях принуждения, внешнего авторитета, а только на путях свободной преданности Церкви.

«Я считал своей задачей, — пишет о. Василий, в очерке «Из моей жизни»*), — **учить молодежь** осуществлять поставленные задачи так, чтобы получалось **внутреннее единство**. Это внутреннее единство не может и не должно покупаться насилием «большинства над меньшинством — поэтому во всех наших заседаниях **не бывало** голосования... Надо было учить **вслушиваться** в чужие мысли (а не только слова)...».

«Общее» решение не есть какое-то *mixtum compositum*, не есть «арифметическое среднее» всех высказанных суждений, — оно «добывается» через откровенное и искреннее раскрытие разногласия и восхождение (в духе) на ту плоскость, в которой может быть найдено отвечающее данному положению решение».

Отец Василий по-настоящему любил лишь две сферы ценностей: творческую жизнь в научной работе, то-есть свою научную работу, и человека. Научная работа отцу Василию была дороже всего на свете. Немногие по всей вероятности, согласятся с этим, ибо этого нельзя было заметить при личном общении с ним, но в действительности это было так. Для о. Василия христианство было прежде всего творческая жизнь. Как часто многим в христианстве кажется, что христианство и знание несовместимы, что христианство и творчество — это два понятия чуждые друг другу, тогда как о. Василий думал как раз наоборот. В подтверждение моих наблюдений приведу его же собственные слова «Из моей жизни»: «Я хочу начать с того, что мне в моей жизни было всего дороже, что непрестанно и донныне действует во мне, — о моей научной работе. Я **ненасытимо** люблю мир идей, люблю изучать разные отрасли знания...»

Для о. Василия не характерно выпячивание своего я, своего мнения, своих мыслей. Он писал: «Самое главное в научной работе — **избегать оригинальничанья...** Я сам старательно **отодвигал себя** в книге моей на задний план. Это не излишняя скромность — но здесь было больше заботы о «торжестве» той или иной идеи, чем заботы о своей «славе». Отец Василий именно считает, что человек прежде всего призывается к изучению, к творческому постижению Божественной Истины, поэтому о. Василий и не торопится с синтезом. Отец Василий пишет: «у меня всегда такая **arrière pensée**, что для синтеза еще не пришло **для меня время**».

*) Неизданная рукопись о. Василия «Из моей жизни», посвященная «Моим друзьям» (1950 г.).

В нем ценно было именно то, что он всю жизнь проповедывал, что христианство это не окамененное нечувствие, а что христианству присущи творческая жизнь, подлинная свобода, жертвенное служение правде Христа, истинное знание. Он никогда не грешил бездушным христианским формализмом и никогда не ставил почитание субботы выше человека, а всегда ставил человека выше субботы. Живой конкретный человек для о. Василия был дороже отвлеченного понятия добра.

Приведу опять же слова о. Василия «Из моей жизни»: «Я лично люблю соблюдать устав, но не могу видеть в этом ничего абсолютного, я против импровизаций в уставе, всякой отсебятины, но и против чистого формализма».

«Есть натуры, которых увлекает пышность облачений, торжественные сослужения, — во мне же всякая пышность вызывает и критику и резкое отталкивание. Именно потому я никогда не надевал и никогда не надену митры».

О. Василий был служителем подлинных ценностей и никогда не соскальзывал на путь абсолютизации относительных и преходящих ценностей. Ценно именно то, что у него главное всегда занимало главное место, а маленькому, относительноному отводилось свое малое место.

Поэтому в заключение я хочу указать, что для меня о. Василий прежде всего был глашатаем не того добра, про которое столь глубоко сказал Гоголь: «Грустно, что в добре нет добра», а именно того добра, в котором всегда светилось подлинное добро. И защищал он его не только словом, но и своей жизнью. Все те, кто близко соприкасались с отцом Василием, знают на своем опыте, сколько любви, ласки излучало его христианское сердце.

Меня лично не столько поражало в о. Василии его участие в несении тягот его духовных чад, сколько его соучастие в радостях, в успехах других. Обычно человек еще способен откликнуться, помочь страданиям другого, ибо это его ставит в положение благодетеля к испытывающему страдание, и очень редко человек способен порадоваться успеху другого. Немногие способны незаинтересованно подбодрить своего близкого в успехах его. А о. Василий, прежде всего, способен был сораздаться успеху других, ибо для него важно было, чтобы добро умножалось, росло, крепло, преуспевало в Церкви, в жизни каждого из нас.

Как часто мне приходилось быть свидетелем, как в комнате отца Василия его сотрудники рассказывали ему о своей работе, о том, что им удалось сделать, и как, с сияющей улыбкой, сидел

он в своем небольшом кресле и сораздавался своему сотруднику чистосердечно и искренно, как обычно сораздаются только любящие матери своим детям.

Я благодарю Бога, что Господь дал мне возможность быть сотрудником такого удивительного человека, который был мне учителем, наставником и настоящим отцом, встреча с которым, там у Престола Божьего, будет для меня величайшей радостью.

Нижата А. СТУРВЕ

Памяти Отца Василия

Прежде чем приступить, я должен оговориться, что меня попросили сказать слово об отце Василии не в силу особой близости к отцу Василию — в Движении все мы были ему равно близки, — не в силу особого знакомства с его творчеством, чем, к сожалению, не могу похвалиться, а как представителя более молодого поколения Движения.

Я познакомился с о. Василием лет 14 тому назад, на Общем Съезде Движения, на котором я был впервые. Мне тогда не было 20 лет. Как часто новички на наших больших съездах, я чувствовал себя несколько одиноко и держался особняком. Отец Василий вероятно это заметил, т. к. выискал меня среди толпы, подошел ко мне и, в ласково-шутливом тоне, с тех пор мне столь знакомом, а тогда еще совсем для меня неожиданным и новым, что-то сказал про мою отваливавшуюся подошву. Эта первая встреча с о. Василием запомнилась навсегда: тогда впервые я почувствовал его обращенность к людям, открытость и теплоту. Он подошел ко мне не как к одному из многих, а как к определенной личности. И с тех пор о. Василий не переставал относиться ко мне «лично». Не переставал иметь обо мне «свою мысль». То, что сейчас я вынужден говорить нескромно в первом лице, каждый член Движения, каждый близкий знакомый о. Василия, я думаю, мог бы повторить.

Затем мысль моя переносится к другому времени, к другой встрече. Лет 8 назад, здесь же, в просторной, но, стыдно сказать, тогда на три четверти пустой зале, отец Василий читал доклад об А. С. Хомякове, в связи с 150-летием со дня его рождения.

Это был не просто хороший доклад. Это был один из самых

глубоких и блестящих докладов, которые мне когда-либо приходилось слушать.

Отец Василий вообще обладал редким среди русских даром красноречия: но его красноречие было без всяких внешних эффектов, без всякого ложного блеска, без тех часто смешных и избыточных приемов профессиональных ораторов. В тот день о. Василий говорил с необычайным вдохновением, простотой и глубиной. И благодаря его докладу, я многое понял в Хомякове, многое понял и в самом о. Василии. Хомяков был для него живым примером, олицетворением, осуществлением его заветной мечты и идеи о соединении Православия и жизни, Православия и культуры. Дворянин, помещик, блестящий писатель, ученый, техник и вместе с тем послушный сын Церкви, постыющийся по средам и пятницам, христианский писатель и богослов, мечтающий о церковном возрождении, — что может быть о. Василию ближе. Конечно, о. Василий не обладал гениальностью Хомякова. Но, как Хомяков, о. Василий не хотел ограничиться одним ученым трудом, одной какой-нибудь специальностью, а любил многообразие жизни, все ее различные отношения. Как Хомяков, о. Василий совмещает в себе послушание к Церкви, и вместе с тем жажду постоянного обновления Церкви, путем непрерывного творчества.

И, снова, мысль моя переносится дальше: сравнительно недавно, мне пришлось быть свидетелем необычайной пастырской жертвенности о. Василия. В Страстную субботу, после утомительнейших служб Великого Пятка, перед длинной предпасхальной вечерней и литургией, отец Василий находил еще время и силы объезжать со Святыми Дарами своих больных духовных детей. И не только в ...он приехал в то памятное утро: он успел уже побывать на другом конце города и еще спешил куда-то. Ему было тогда 77 лет, и он прекрасно знал, что эти посещения больных через весь Париж могут его лишить возможности участвовать в субботней литургии, которую он так любил (в последний год своей жизни, совсем уже больной, он все же побывал в церкви, в это утро), или в пасхальной заутрене. Но отец Василий себя никогда не жалел ради других. Он действительно душу свою полагал за други своя.

Отец Василий был человек большой воли. Нам казалось, что о. Василию все дается легко, что у него все идет самотеком. На самом деле это было не совсем так, и даже, может быть, совсем не так. На днях мне попало одно старое письмо о. Василия, в котором он говорил одной своей прихожанке приблизительно сле-

дующее: 30 лет я ощущал грусть и только после 30-летней борьбы с самим собой я, наконец, узнал, что такое радость. Эти слова показывают, какой волей, каким внутренним духом обладал о. Василий... и от своих пасомых отец Василий, несмотря на снисходительность и любовь, требовал очень многого — ежедневного чтения Псалмов, по одной главе, Евангелия, Посланий, возможно частого причащения (для движенцев, для активных прихожан не менее одного раза в месяц). Вспоминается мне еще, как «кроткий» отец Василий, человек, как мне часто казалось, компромиссов и полу-мер, как-то на съезде Движения, буквально стуча кулаками по столу, обличал нашу духовную «дряблость»! Вообще же, молодые ретивые члены Движения бывали часто несправедливы по отношению к о. Василию. Мы, я помню, любили его упрекать в том, что он недостаточно показывает парадоксальность христианства, его спасительную новизну, его разумную силу. Теперь я понимаю, что в этих упреках была значительная доля легкомыслия. О. Василий не любил громких слов. Прежде всего, он искал подлинности в мыслях и действиях. Ему было чуждо, свойственное современному стилю, несоответствие между громкими словами и реальностью. И озираясь назад, вспоминая те многочисленные доклады, поучения, проповеди, которые я слышал от о. Василия, мне кажется, что в них не было ни одного НЕ подлинного звука. Отец Василий был целиком подлинный человек. В этом красота его образа и жизни. К этому он и нас зовет.

Марита Р. ГИЗЕТТИ

Памяти моему духовному Отцу

С уходом о. Василия в иной мир, осиротели не только те, кто жили с ним в одном городе, работали, встречались и составляли одну семью Р.С.Х.Д. во Франции. Осиротели и все те, кто состояли в постоянной переписке с о. Василием, его духовные дети, разбросанные по разным странам, и те, кто знали и любили о. Василия и обращались к нему в трудные моменты. Думаю, что большинство из них было так или иначе в своем прошлом связано с Движением и через о. Василия эта духовная связь поддерживалась. Но переписка с о. Василием давала гораздо больше, чем только связь с Движением. Я не могу взять на себя смелость писать от лица

того множества людей, с которыми о. Василий переписывался, я могу лишь окинуть мысленным взором годы моей переписки с о. Василием, после приезда о. Василия на съезд Движения в 1953 г. в Нью-Йорке, и отметить то главное, что эта переписка мне давала. Думаю, что многие из переписывавшихся с о. Василием чувствовали то же.

Письма о. Василия были постоянным источником духовной силы. Несмотря на географическое расстояние между нами и на иные условия жизни, о. Василий умел войти в нашу жизнь и показать выход из кажущегося тупика. Своей редкостной и сильной верой в человека, в вашу личность, в то, что заложено в ней Богом, о. Василий пресекал всякую возможность уныния и самооправдания. Несмотря на исключительную мягкость и любовное отношение, в о. Василии чувствовалась твердость, исходившая из этой веры в потенциальные возможности вашей души. И это заставляло иначе смотреть на мир и чувствовать свою ответственность за себя и за окружающих. Эта вера в человека исходила из любви, была с нею нераздельно связана и давала сильную поддержку. Эта вера в людей о. Василия часто заставляла вас смотреть на окружающих другими глазами, открывать в них то хорошее, что было видно о. Василию, но скрыто от других.

О. Василий мог быть вашим духовным отцом, заботливым другом и мудрым профессором. Советы его касались внутренней жизни человека, семейной жизни, воспитания детей, педагогики, различных научных вопросов и т. д. О. Василий считал очень важным в человеке горение духа, вдумчивое отношение к жизни и деятельное приложение горения духа в жизнь, внутреннюю работу над собой, чтение книг, всестороннее развитие человеческой личности, духа и интеллекта. О. Василий считал очень важным распределение времени, которое должно исходить из чувства ответственности человека за данное ему время.

Для многих людей большой помощью для их внутренней жизни является возможность высказаться, найти словесное выражение тому, что накапливается глубоко в душе. Это осмысление глубин души и высказывание их возможно лишь при чутком понимании того, кому высказываешь. Такая отзывчивая чуткость была присуща о. Василию и давала возможность высказать и вдуматься в то, что было где-то глубоко в душе, и с помощью о. Василия, разобраться в том, что было неясно.

Мне кажется, это то, что в основном дала переписка с о. Василием, это то, за что я ему глубоко благодарна.

Прот. Василий ЗЕНЬКОВСКИЙ

Очерк моей философской системы

В ранние годы я находился под большим влиянием Вл. Соловьева и Л. М. Лопатина, но постепенно мои взгляды стали меняться, — и здесь решающими были для меня размышления над понятием «личности». Гносеологический эмпиризм, с его сосредоточением всех актов познания на эмпирической сфере в человеке, — трансцендентализм с его открытием двойного состава знания, — все это отступило перед неизбежностью построения **метафизики человека**.

Если человек зависит от природы, от социальной среды, то все же бесспорным является в нем **факт свободы**. Но акты свободы, коренясь в метафизической глубине человека, получают свою творческую силу лишь при сочетании с благодатной помощью «свыше», — без этого они бессильны и почти всегда отдают человека во власть зла. Только используя богословское понятие «первородного греха», мы можем понять одновременно наличие свободы в человеке и ограниченность ее. Раз будучи принятым, понятие первородного греха неизбежно привело меня к пересмотру основных начал метафизики, а затем гносеологии. Без понятия первородного греха нельзя понять **раздвоение познавательной силы** в человеке (раздвоение разума и сердца). Учение отцов Церкви о необходимости **восстановления** утраченного единства человеческого духа через Церковь привело меня к пересмотру всех философских построений в свете христианства, и я могу дать лишь одно наименование моим взглядам: «опыт христианской философии».

В краткой форме, не аргументируя и не обосновывая, я так могу изложить основные идеи моей философии:

I. — Вопросы гносеологии

Если процессы познания предполагают эмпирический познающий субъект, то все же познание явно не вмещается в него (благодаря наличию трансцендентности элементов). Построения кн. С. Трубецкого о «соборной природе человеческого сознания» верны, но принять его идею «универсального субъекта», при всей ценности этой идеи, нельзя по одному тому, что остается непонятным, почему познавательные процессы, как раз могут «овладевать» объективным предметом познания. «Аксиома реальности», лежа-

шая в основе познавательной активности, объяснима лишь при предположении, что субъект познания есть и «творец» самого бытия. Разум, понятый в духе Канта (как носитель трансцендентальных функций), как бы висит в воздухе; система трансцендентального идеализма (Фихте, Гегель) не может быть удержана без метафизического истолкования субъекта познания.

Христианство учит, что истина открыта не индивидуальному разуму, а разуму церковному — в понятии Церкви и надо искать метафизической опоры познания — там познание опирается на Абсолют, который есть в то же время Творец бытия. Только так можно изъяснить реальность познания. Но понятие «церковного разума» может быть изъяснено лишь из учения, что глава Церкви есть Христос. Мы приходим к христоцентрическому пониманию знания, т. е. к признанию, что светоносная сила, созидающая разум и регулирующая познавательные процессы, исходит от Христа (согласно формуле в Еванг. от Иоанна гл. I о Христе, как свете, «который просвещает всякого человека, грядущего в мир»).

Это истолкование знания решительно отвергает принцип автономии разума, что требует пересмотра всех принципов современной науки.

II. — Вопросы метафизики

Разрыв с построениями Вл. Соловьева ведет к радикальному отвержению всяческих форм неоплатонизма и к утверждению, в качестве основного принципа метафизики, учения о тварности бытия (что вовсе не означает отвержения «самодетельности» земли, возможности ее эволюции). Законы же бытия, которые не могли бы возникнуть случайно или «сами собой», есть лишь проявления той «разумности» бытия, которая в него «вложена» творческой силой Бога. Эта «разумность» бытия определяется «идеями», положенными Богом в основу мира, но идеи в мире надо отличать от идей в Боге. Платонизм остается верным при дополнительном учении о «Премудрости» Божией, как *topos noetos*, от которого получают свое содержание и творческую силу идеальные начала в мире. Это могло бы привести к учению о «душе» мира, но в новой конструкции, свободной от элементов пантеизма.

В метафизике бытия неизбежно использовать понятие «первородного греха» в соответствии с космологией Ап. Павла (Римл. гл. 8, ст. 19-23). Учение о «поврежденности природы» впервые разъясняет страшную силу «случайности» в природе, как расстройств первоначальной ее гармонии.

III. — Учение о человеке

Человек в метафизическом освещении являет с наибольшей силой действие первородного греха. Та цельная жизнь, которая сочетает в живое единство тело, душу и дух, нарушается, но не разрушается смертью. Воскресение людей в Царстве Божием восстанавливает утрачиваемую при смерти живую цельность жизни. Путь человека на земле стоит под знаком «креста» (у каждого человека, по учению Господа, «свой» крест, что обеспечивает несравнимость и своеобразие каждой личности), т. е. внутреннего закона, по которому может быть восстановлена утраченная (хотя в основе и не разрушенная) цельность в человеке. Отсюда понятна центральность в человеке его моральной жизни; освобождение от власти «душевных» движений, одухотворение всего состава человека есть вместе с тем наша подготовка к торжеству вечной жизни в человеке. Все педагогические усилия, какие вообще осуществимы, должны быть направлены на то, чтобы юное существо могло «найти себя», и творчески преобразовать свой состав, какой оно в себе находит, как взаимодействие наследственности, социальных и духовных влияний.

Церковь в Советской России

Гонения на Церковь идут полным ходом. Храмы закрываются десятками. По сведениям, идущим непосредственно из Сов. России, с 1959 по лето 1962 года было закрыто 50 % всех действующих православных церквей, в том числе соборы в Брянске, Орле, Чернигове и т. д. В Орле, во второй раз с начала революции, осквернены мощи св. Тихона Задонского и переданы в музей. Закрытие церковью коснулось и северной столицы: из 14 «ленинградских» храмов осталось только 8. Монастыри закрываются один за другим: особенно чувствительно для Церкви вторичное закрытие Глинской Пустыни, которая славилась своим строгим уставом и соблюдением древних монашеских традиций. Всего монастырей осталось около 30 (из 67). Дни Почаевской Лавры сочтены: в ней осталось каких-нибудь два десятка монахов. Ликвидирована в этом году Минская семинария. Из провинциальных семинарий еще держатся Вольнская и Одесская. Привлечение священнослужителей к суду продолжается: в Ржеве был приговорен к тюремному заключению

молодой священник, в Омске привлекался к суду за «покупку подешевке краденого вазелинового масла» (sic!) престарелый архиепископ Вениамин Новицкий (1). Судьба преосвященного Вениамина сложилась крайне трагично: хиротонисанный в 1941 г. на Брестскую кафедру, он был арестован в 1944 году, освобожден по амнистии в 1954 г. и снова привлечен к суду в 1961 г.!

Ниже мы печатаем несколько документов, отражающих, каждый по-разному, религиозное состояние страны и ту борьбу за человеческие души, которая в ней ведется вот уж скоро столетия.

Н. Струве

I. — РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ

А. — То, что «Журналу Московской Патриархии» не разрешают печатать.

СЛОВО В ДЕНЬ ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЯ АРХИЕП. ЛУКИ (2).

27 апреля 1957 года

(Хирурга, Лауреата Государственной Премии 1946 г.,
В. Войно-Ясенецкого)

«Да не покажется Вам самохвальством то, что я хочу Вам сказать, ибо истинно говорю, что не ищу славы своей, но Славы Пославшего меня. В книге Товита читаем важные слова: «Тайну цареву хранить прилично, а о делах Божиих объявлять похвально».

Именно о великих делах Божиих, явленных в жизни моей, хочу

1) Наука и Религия, 8, 1962, стр. 27.

2) а) — Выдающийся ученый и архипастырь, арх. Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) родился в 1877 г. в Крыму. Учился сначала в художественной школе, затем перешел на медицинский факультет в Киеве, который окончил в 1903 г. С 1910 по 1916 г. заведует больницей в Переяславле-Залесском. С марта 1917 г. работает главным хирургом городской больницы Ташкента, а с 1920 г. — профессором Ташкентского Университета. В 1921 г., после смерти жены, принимает сан священника, в 1928 г. назначается на освободившуюся кафедру того же Ташкента. Затем следует ссылка в Красноярск. «На протяжении почти четверти века он разрабатывал вопросы гнойной хирургии, обобщив в 1934 г. свои исследования на эту тему в монографии, служащей и ныне настольной книгой хирурга, а также в ряде работ, изданных в годы Великой Отечественной Войны» (Большая медицинская энциклопедия, М. 1958, т. V).

С 1941 г. до 1943 заведывал военным госпиталем в Красноярске, где возглавлял с 1942 г. и местную епархию. В 1944 г. был переведен в

я Вам говорить. Знаю, что много-много людей недоумевают о том, как мог я, достигнув славы ученого и весьма крупного хирурга, оставить хирургию и науку и стать проповедником Евангелия Христового. Думающие так, глубоко ошибаются, считая, что невозможно совместить науку и религию. Это совершенно неверно, ибо мы знаем из истории науки, что даже гениальные ученые, подобные Галилею, Ньютону, Копернику, Пастеру, нашему великому физиологу Павлову, были людьми глубоко религиозными. Знаю я, что и среди нынешних профессоров есть очень много верующих людей, просящих у меня благословения.

Не разубедим мы тех, которые осуждают меня за то, что я стал священником и епископом. Оставим их.

Но должен я вам сказать, что и сам я считаю удивительным и непостижимым то, что сотворил со мною Господь Бог, ибо, оглядываясь на свою прошлую жизнь, ясно вижу, как невидимо для меня, Господь уже с юных лет моих вел меня к священству, о котором я сам никогда не помышлял, ибо страстно любил хирургию и всей душой был предан ей. Она глубоко удовлетворяла мое всегдашнее стремление служить бедным и страдающим людям, всеми силами своими облегчать их страдания и нужды.

С удивлением вспоминаю о том, что случилось 60 лет тому назад, когда я окончил гимназию и на выпускном акте получил от директора гимназии аттестат зрелости, вложенный в Новый Завет. Я читал его и прежде, а теперь снова прочитал с начала до конца. Я отмечал все то, что произвело на меня сильное впечатление, но ничто не поразило меня так, как слова Господа Иисуса Христа, сказанные Его Апостолам при виде созревшей нивы: «Жатвы много, а делателей мало. Итак молитесь господина жатвы, чтобы послал делателей на ниву свою».

Сердце у меня дрогнуло от этих слов и я мысленно воскликнул: «Как, как, Господи, неужели у Тебя мало делателей на ниве Твоей?» Я на всю жизнь запомнил эти слова. Прошло много лет.

Тамбов, а в 1946 г. на родину, в Крым, где возглавлял епархию до самой кончины. После войны «Журнал Московской Патриархии» напечатал целый ряд статей архиеп. Луки на чисто-политические темы, что огорчило многих, кому было известно бесстрашие Владыки в эпоху гонений. С 1956 г. архиеп. Лука потерял окончательно зрение. Умер 11 июня 1961 г. Похороны его состоялись при «огромном стечении верующих».

б) Французский перевод этого «Слова» был напечатан в журнале *Irénikon*, 2 1962, стр. 283-287. Редакция *Irénikon* любезно согласилась предоставить нам имеющийся у нее оригинал.

Я получил степень доктора медицины за свою диссертацию, «Региональная анестезия», удостоенную очень крупной премии. Я был земским врачом, целителем недугов крестьян и рабочих и находил в этом глубокое удовлетворение. Прошло еще несколько лет и я решил написать книгу по гнойной хирургии. Когда написал предисловие, то вдруг был поражен странной, упорно не оставляющей меня мыслью: когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа. Откуда? Что такое? Какой епископ? Повторяю, я никогда не помышлял ни о священстве, ни о сане епископа. И, тем не менее, через несколько лет, эта странная, неясная мысль стала действительностью. Свою книгу «Очерки гнойной хирургии», ставшую потом весьма знаменитой, я предполагал издать двумя выпусками и, когда закончил первый выпуск, то написал на заглавном листе «Епископ Лука — Очерки Гнойной хирургии», ибо тогда я уже был епископом. А стал я им совершенно неожиданно для себя по явному призванию Божию. В Ташкенте, где в то время я был главным врачом и хирургом городской больницы, происходил епархиальный съезд, в котором и я принял участие, и по одному очень важному вопросу выступил с большой горячей речью.

По окончании съезда, архиепископ Иннокентий взял меня под руку, довел на панель, окружающую кафедральный собор, и говорил о глубоком впечатлении, которое произвела на него моя горячая речь. Вдруг он остановился, посмотрел мне в глаза и сказал: «Доктор! Вам нужно быть священником!» Как ни далек я был от этой мысли, этот призыв к священству устами архиепископа я принял, как Божий призыв и, ни минуты не раздумывая, ответил: «Хорошо, владыко, буду».

В ближайшее воскресенье я был посвящен в диакона, через неделю в священника и стал младшим священником кафедрального собора. Я сразу развил большую проповедническую деятельность и проводил вне-богослужebные беседы. И на диспутах с безбожниками побивал их нещадно.

Через два года четыре месяца я стал епископом и, уже в этом сане, Господь привел меня в дальний город Енисейск.

Все священники этого города, сверкавшего множеством церквей, как и все священники областного центра Красноярска, уже были живоцерковниками и обновленцами. Богослужения я должен был поэтому совершать с тремя, сопровождавшими меня священниками, в своей квартире. И вот, однажды, когда я вошел в зал, чтобы начать Литургию, я увидел стоявшего у входной двери по-

жилого монаха. Глядя на меня, он точно остолбенел и даже не поклонился мне. Вот почему это с ним случилось: православные люди города Красноярска, не хотевшие молиться со своими неверными священниками, избрали этого монаха и послали в город Минусинск, к югу от Красноярска, к жившему там православному епископу для рукоположения в иеромонаха. Но какая-то неведомая сила повлекла его не на юг, но на север, в Енисейск, где жил я. Он рассказал, почему так остолбенел, увидев меня: десять лет тому назад, когда я еще жил в Средней России, он видел сон: ему снилось, что неведомый ему архиерей рукоположил его в сан иеромонаха. Увидев меня, он узнал этого архиерея. Итак, уж десять лет тому назад, когда я был только хирургом Переяславль-Залесской больницы, я уже числился архиереем у Бога.

Вы видите, каким образом, как неуклонно, в течение десятков лет Господь Бог вел меня к архиерейскому служению в трудное для Церкви время.

На мне сбылись слова Апостола Павла в Послании к Римлянам: «Кого Бог предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями. А кого Он предопределил, тех и призвал, а кого призвал, тех и оправдал, а кого оправдал, тех и прославил».

Еще немало удивительного о Божием руководительстве моей жизнью мог бы я рассказать, но думаю — и сказанного достаточно, чтобы все Вы воскликнули вместе со мной: Богу нашему Слава во веки веков! Аминь».

Б. — Рассказ бывшего истинно православного христианина (1)

По-настоящему, я поверил в бога в 16 лет. Большую роль в этом сыграли посещения источников.

На источниках бывало много «бесноватых»: бьются, пена изо рта, и все это только тогда, когда приходят на источник.

1) Истинно-православные христиане (ИПХ) — секта, выросшая на почве непризнания Патриаршей Церкви. Образовалась она в начале 1940 г., наибольший успех имела в 1948-51 годах. С 1950 г. началось активное преследование секты со стороны властей. Распространение секта имеет довольно широкое. За последние годы, из нее выделились группы «молчальников», т. е. людей, берущих на себя обет молчания, чтобы не общаться с внешним «советским» миром. В одной Тамбовской области в 1959 году было более 70 молчальников. См. «Вестник» № 58-59, стр. 31.

Рассказ заимствован из книги «Современное Сектантство», Ак. Наук, 1961, стр. 19. Финал его, отречение от веры, явно натянут и никак не обоснован.

Был и такой случай у этого колодца. Привезли к колодцу старушку 70-80 лет, она ни руками, ни ногами не владела и молилась о смерти. Рассказывают, ей было виденье, что она должна искупаться в источнике, чтобы умереть.

Так и случилось. Привезли ее, искупали, попила она водички и скончалась. Теперь понимаю: не выдержала.

Мне было тогда 16 лет. К источникам стекалась и молодежь, там было такое общество, что сердце горело к богу. Там, на источниках, я познал, что такое бог, страх какой-то появился.

Люди, с которыми я общался, в юности виденья видели. Собирались на беседы человек по 40. Все молились. Иногда приходила женщина, вроде «бесноватой», и говорила, кто в чем грешен, и угадывала. Ей было 30—35 лет. Мой брат в то время вникся в книги божественные и передавал все, что знал, людям, и они уверовали. Я же занимался мастерством, делал оклады к иконам. Читал жития. Очень интересная судьба Алексея Божьего человека. Много читал про угодников, знал много стихов. Евангелия почти все подряд читал и Библию, пророков читал; они тоже говорили о «последнем времени». Производили большое впечатление притчи. Знаю нагорную проповедь.

Приобрел специальность — обряжать иконы, много денег на этом зарабатывал, деньги керзовыми сумками носил, и все отдавал на помощь верующим. У нас был закон — не работать, но для себя и на помощь другим верующим — можно.

В те годы хотелось еще побежать на улицу. Но бог поборол улицу. Родители воспитывали в строгости. Родители сильно боялись бога, к ним приходили улогие (убогие) и двух сирот они взяли, чтобы воспитывать ради бога.

Приходящие верующие разное говорили, первые — одно, вторые — другое, третьи — третье. Кончилось тем, что от «имени божьего» я такое натворил, что в тюрьму попал.

Встретился там с людьми по-разному веровавшими. Верующие были, которые называли Николу Угодника — атаманом, крест не признавали. Говорили — крест признавать нельзя, на нем Христа распяли, а мы и Николая Угодника и крест признаем.

Другие в Христа верили, святой дух отрицали.

И каждый говорит, что за бога страдает, а все по-разному верят. И это меня привело к сомнению. Были в тюрьме и такие верующие, которые имели продукты. Продукты гнили, а с соседом эти люди все-таки не делились.

Неверующие вели себя лучше. Когда связывал все это вместе, странно получалось: нас собралась маленькая кучка верующих, и мы думали, что пойдем в рай. А куда же пойдут все другие верующие? И неверующие?

И присоединился я не к верующим, а к неверующим.

Июль, 1959 г. Мичуринск.

II. — АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПРОПАГАНДА

А. — Что о ней думают интеллигентные люди в Сов. России.

Письмо Э. Э. Спинакина (из города Тарту) бывшему священнику и профессору Ленинградской Духовной Академии, Осипову А. А. (1)

Судя по выступлениям в печати, по решимости, с которой Вы порвали связи с привычной средой, с обеспеченным бытом, Вы — человек идейный. Не легко следовать своим убеждениям, если они идут в разрез с мнением окружающей среды и могут причинить материальный ущерб. У Вас на это хватило сил и мужества. Это заслуживает признания и вызывает надежду, что Вы во имя прогресса на подобный поступок способны и в будущем.

Вы получили высшее образование. Много читали и думали. Имели возможность сопоставлять доводы логики, сравнивать факты, ратующие или за религию, или за атеизм. И Вы приняли атеизм в его теперешней форме? Это для меня непонятно!

Под влиянием окружающей среды и собственного развития я с детских лет считаю себя атеистом. В Бога не верую и сейчас. Но следя, хотя поверхностно, за развитием науки и теоретическим мышлением, я пришел к убеждению, что атеизм в теперешней его форме не может претендовать на научность, не удовлетворяет духовным потребностям человека, не соответствует его чувствам. Еще меня поражает, что атеизм в настоящее время как будто отказался от поисков истины, так как замалчивает факты и доводы ему противоречащие. Он берется все объяснить, и, не справляясь с этим, скрывает свое бессилие. Я с такой тактикой не согласен. И не по причине моральных побуждений, что такие поступки вроде

1) «Наука и Религия», 3, 1962, стр. 30-31. Ответ А. Осипова, напечатанный вслед за этим письмом, не представляет никакого интереса.

похожи на обман, что это нечестно (в поступках такого рода противники обвиняют представителей церкви) и т. д., и т. д. Нет, я считаю такую тактику нецелесообразной. Замалчивание трудностей, неправильные, поверхностные объяснения не стимулируют исканий.

Атеисты ратуют за здравый смысл. Это один из излюбленных доводов. А по мнению физиков, здравый смысл — это, по существу, не что иное, как ограниченный опыт человечества, которому оно неумышленно придает универсальное, всеобъемлющее значение. Здравый смысл не является и не являлся в науке критерием, заслуживающим доверия. Вспомним, что атеисты столетиями потешаются над заявлениями католического богослова раннего средневековья Тертуллиана, по смыслу которого основанием для его веры является то обстоятельство, что есть явления, противоречащие здравому смыслу. Ведь даже и советские ученые согласны с высказываниями Нильса Бора, что «новые теории физики должны быть достаточно «безумными», чтобы оказаться верными». Продвижение науки вперед требует отказа от привычных, пускай самых основных и, казалось бы, незыблемых представлений.

Наука следует за Тертуллианом! Отстают только атеисты. Не посоветует ли им здравый смысл отказаться от здравого смысла?

Научно доказана невозможность построения *perpetuum mobile*.

Одни атеисты в это не поверили. Мироздание, по их представлению, по принципу *perpetuum mobile*, движется извечно, не получая со стороны добавочной энергии.

Конечно, мы не знаем, кто ошибается — наука или атеисты. Может быть, возможно еще и третье решение. Но бесспорно, что в этом вопросе нет ясности, он не решен. Так пусть атеисты, если они останутся при своем убеждении, заявят, что они в это верят вопреки науке и логике. Ведь похоже на тертуллиановское «кредо, квиа абсурдум»? И пусть не выдают свою веру в абсурдное за знание.

В общем, во всех случаях попытки построения философских систем идут на поводу у чувства. Философские системы создаются в целях, весьма отличных от объективного познания, и имеют мало общего с беспристрастными исканиями истины.

Атеисты обвиняют противников в том, что не считаются с объективной реальностью, следуют чувствам и оценки существующему дают, исходя из телеологических соображений.

Атеисты отрицают способность верующих установить «кон-

такт» с всевышним. По их твердому убеждению, человек на это не способен. Но атеисты сами никогда не подходят критически к вопросу о границах человеческих способностей, что в корне неправильно.

Необходимо решить принципиальный вопрос огромной важности: сможет ли человек выдержать невообразимую тяжесть истины, если суть этой истины — бессмыслица (отсутствие цели)?

Атеизм эту опасность инстинктивно чувствует. Весь атеизм в корне (в настоящем его виде) — пессимистическое, внушающее безграничную безнадежность мировоззрение. Эту свою слабость атеизм и скрывает и отрицает. Для доказательства прибегнем к способу мысленного эксперимента. Предположим, что представления индийской мифологии правильны. Сутки Брахмы (жильца) длятся 4.320.000.000 лет. Кальпа состоит из 1.000 махаюг. Каждая махаюга состоит из 4 периодов, или юг. В конце каждой кальпы семь солнц сжигают все миры, которые затем возрождаются в новой кальпе, и так до бесконечности. Нас это оставляет спокойными. Теперь предположим, что полный цикл может произойти в более короткий срок. Он происходит в сто, в десять миллионов, в один миллион лет. Чувства уже насторожены. Продолжим опыт. Предположим, что продолжительность периода — сто тысяч, десять тысяч, сто, десять лет, один год. Попробуйте вникнуть, почувствуйте, какая продолжительность периода начинает вам казаться бессмысленной и неприемлемой. Мне кажется, что это зависит от живости воображения и чувств. Бессмысленным и приводящим в отчаяние является представление вечного повторения цикла. Все то же самое, где цель, в чем смысл, нет развития, нет прогресса!

Я не знаю, поняли ли Вы мою попытку доказать, что круговорот вещей, предполагаемый атеизмом, для нас, людей, всегда бессмыслен и неприемлем...

Природа умеет создавать тончайшие нити для поддержания жизни — шелк, паутину. Они материальны. Трудно сказать, сколько материи в вере, в надежде, в иллюзии. Но они тоже поддерживают жизнь, человека. Если правда наша губительна, а спасает мираж, тогда они разве не поменялись и местами, и ценностью? Кончаю. Как будто самое для меня важное сказано. Конечно, не все вопросы исчерпаны, но в принципе они ничего нового не добавят. Но существует один и последний вопрос к Вам. Ведь Вы пишете: «А жить всегда хотелось творчески». Хотите «заставить задуматься других». А как теперь со мной? Ведь, кажется, что

атеистические взгляды не обоснованы ни разумом, ни наукой и неприемлемы чувствам. Не кажется ли и Вам, что христианская религия — это вера вчерашнего дня, атеизм — вера сегодняшнего дня, веры же завтрашнего дня еще нет? А без веры не проживешь.

Найдете ли Вы в себе силы отказаться от Ваших теперешних убеждений в пользу новых исканий? А ведь Вашу теперешнюю веру — атеизм — разделяет еще большее число сограждан, чем прежнюю, и она доминирует. И как после всего, что я Вам написал, Вы будете выступать во имя прогресса и правды с обличениями веры вчерашнего дня, осознав, что вера сегодняшнего дня также несовершенна? Не огненный перст, а авторучки пишут в отношении атеизма: «Мене, мене, текел упарсин», что, кажется, значит: «Мы его взвесили и нашли не заслуживающим ни веры, ни доверия».

Что напишет Ваша автоматическая ручка?

Э. Спинакин

Б. — Как над ней смеются в «Крокодиле»

АГИТАВРАЛ (1)

Порою в быт рабочий иль колхозный 19.

Когда никто не думал, не гадал,

Врывается антирелигиозный

Агитаврал!

За день до пасхи, за два дня до тройцы,

За три дня до рождения Христа,

Когда спешат в очередях пропойцы

Занять места,

Когда в цехах наметились прогулы,

Когда святейших праздников деньки

Свороченные предвещают скулы

И синяки;

Тогда-то агитационный сектор

Являет соответствующий стиль.

Звонки:

— Найдите лектора!

— Где лектор?

1) «Крокодил», 20 июня 1962 г.

Где кинофильм?

Где хоркружок?

Где диапозитивы?

Где атеисты, черт бы их побрал!

Так запустить... как допустить могли вы?

Вот он, аврал!

...Прошел концерт с певцами и чтецами...

Прошли беседы про «святых отцов»...

Что говорить, сошлись концы с концами

В конце концов...

Поскольку это все вошло в привычку,

То, в заключение подводя итог,

Руководитель вносит в график птичку —

Никто как бог!

Никто как бог!

Так можно без опаски

Жизнь провести под знаком «трын-трава»

От рождества до пасхи и от пасхи

До рождества!

III. — АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: КАК ЗАКРЫВАЮТСЯ МОНАСТЫРИ

Документ № 1.

(Точная копия оригинала
с сохранением орфографии)

ГОСПОДИНУ ПРЕЗИДЕНТУ ВНЕШНИХ
ЦЕРКОВНЫХ СНОШЕНИЙ С.Ш.А.

От прихожан Почаевская
Свято-Успенская Лавры.

П р о ш е н и е

Дорогие наши Гости, Господа смиренно просим Вас обратите Ваше внимание, окажите христианскую любовь, помогите нашему горю. У нас хотят отобрать всеми любимую Святыню Святую ПОЧАЕВСКУЮ ЛАВРУ. Указа Правительство не дает на отнятию, а силою Власти применяют неслыханное в истории человечества насилие над верующим народом (прихожанами) и насельниками (монахами) обитателями святыя Лавры Почаевская. Мы, а также и беззащитные иноки обращались к разным государственным деятелям, но все они одного мнения и все попирая наши законы церковныя,

а также и свои издеваются над нами. В течение уже второго года группами насильственно выселяют монахов с Лавры, часть выселяют таким образом: отбирают паспорт выпишут и требуют выезда, если монах откажется выехать, тогда судят, как нарушителя паспортного режима. Таким образом судили 10 монахов, одного даже на смерть замучили в тюрьме, требуя отказа от веры (Григория УНКУ, родом молдаванина). Приезжих из других городов на поклонение в Лавры не допускают, которые пройдут их арестовывают, отбирают деньги и ценные вещи, обыскивают и некоторых судят, а других вывозят в глухой лес (Бродский, Смыжский и др.), с угрозой, что если вторично появитесь в Почаеве, так получите пять лет тюремного заключения. От таких действий все православное население в смятении. Все протестуют, но власти Почаева и Области (Тернополя) не считаются ни с чем, а наоборот решили ликвидировать монастырь и применили нижеследующее насилие:

31 августа 1962 года группа старших работников органов КГБ и милиции Почаева и Тернополя, как-то: майор Бочкарев, капитаны Остапенко и Максимов и с ними еще 12 человек, прошли в здание монастыря и выбив двери келии старца ИОСИФА (ему уж 70 лет), нанесли ему повреждения, заткнули рот клапаном, и силком затащили в психбольницу, где его следы пропали, говорят, что его умертвили. Это насилие понравилось старшему начальству области и на второй день усиленная группа оперативных работников во главе с полковником Коротченко уполномоченным по делам русской православной Церкви при Совете министров УССР по Тернопольской обл., гр. Коломацкий Н. А. подогнал пять автомашин с автоколоны, ворвались в здание монастыря, повыбивали двери келий монахов, схватили 10 человек и насильно потащили на автомашины, протестующим наносили побои, рвали волосы, крутили руки, одному полковник приказал надеть наручники, и, насильно погрузив, вывезли на разное расстояние в разные стороны до 300 км с угрозой, что если назад появиться в Почаеве, так тюремное заключение до 5 лет. Это, зверство вызвало крайнее возмущение, но представители власти не вняли протестам иноков и народу, а напротив еще усилили репрессии. Монахи видя такое зверское попрание законов, закрылись в храме и проводили положенное Богослужение. Но третьего сентября, та же самая группа оперативных работников в количестве до ста человек, повыбивав двери келий других монахов, для убеждения нет ли их там, начали рваться в храм и повыбивав двери, стали издвигаться над монахами, рвали волосы били влачили волоком на автомашины и вывезли, как и

прежде. Протестующий народ, которого собралось к этому времени очень много, разгоняли пожарными автомашинами, обливая их водой с пожарных насосов. Это бесчеловеческое отношение к христианам побудило нас обратиться к Вам, чтобы Вы через Всемирный Совет Церквей или через ООН помогли восстановить нормальную жизнь для монахов в Почаеве и чтобы для утешения русского православного народа совершалось Богослужение во Святой Почаевской Лавре.

С уважением к Вам...

(имена подписавших по понятным причинам не публикуются)

Документ № 2.

(Точная копия оригинала
с сохранением орфографии)

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

Н. С. ХРУЩЕВУ

от прихожан и поломников Свято-успенской
Почаевской Лавры Тернопольской области.

Дорогие руководители! и правители нашего свободолюбивого государства! Мы обращаемся к Вам и просим присечь те беззакония наших властей, которые применяются против нас верующих. Мы живем в стране где полный рассвет свободы изложенных в Конституции и постановлениях ЦК КПСС и в Декрете, но это все только на бумаге. Мы терпим всякого рода гнет, унижения, насмешки, угрозы, мы поставлены вне закона, с нами что хотят то и делают. Наши жалобы до правительства не доходят, да и вообще есть ли кому жаловаться. Власти, общественные организации, аттеисты перешли на реакционные методы борьбы против верующих людей с дубиной в руках, разрушают нашу духовную культуру, разрушают и оскверняют наши церкви, святые места, ленинские принципы о свободе вероисповедания и теперешние законы, изложенные для верующих православной церкви попрыганы, растоптаны, осмеяны и осквернены. Унижения до невозможности. Вернулась история гонения христианства первых веков, периода царствования гонителей Максимиана и Диоклитиана.

Даже в нашем любимом Почаеве сожгли кладбищенскую церковь, а в св. Почаевской лавре и ее братней поступают так, как

было в первые века христианства, даже местные гонители, начальник Почаевского КГБ Максимов получил в народе нарицательное имя «Максимилиан», а начальник Тернопольского областного КГБ Данилов — «Деоклитиан».

Но репрессии, гонения и издевательства в Почаеве не оканчиваются только на двух начальниках, к этой постыдной деятельности привсечены все руководящие лица и организации Почаева и области (Тернополя), а именно: Органы Почаевского РОМ с огромным штатом милиционеров и дружинников уже в течении двух лет почти ежедневно воспрещают населению посещать Св. Лавру для молитвы, ставят свои заслоны (в святых воротах устроили штаб дружинников — народная милиция) и насильно хватают поломников, сдают их на автомашины и вывозят в глухой лес (Бродский, Смыжский и другие) с угрозой, что только если появитесь в районе лавры, так посадим в тюрьму как за бродяжничество на пять лет, что и применяют на деле.

Органы транспорта воспрещают поломникам пользоваться всеми видами транспорта, шофер, который нарушит это указание лишается прав и работы и некоторым даже лишение свободы, так что все поломники ползут пешком, как двести лет тому назад, но это их не огорчает они рады предпринять тяжелый труд пешехода лишь бы поклониться Святыням Почаева, получить благословение св. Горы, испить благодатной водички Цельбоносной Стопы Божьей Матери, но тут их не пускают, обыскивают, отнимают вещи и деньги, как преступников, фотографируют, отбирают подписку на выезд, арестовывают, обзывают разными похабными словами и даже бьют и нигде не скроешься даже на пару дней, ни днем ни ночью, население находится как в лихорадке, ежедневно происходит проверка паспортного режима, т. е. ежедневно, а под праздники дважды (днем и ночью) группа дружинников во главе с начальником паспортного стола ходят по квартирам и обыскивают нет ли где приезжего поломника, при обнаружении — налагают штраф на хозяина в огромном размере до 50 рублей, грозы высылкой при повторном случае принятия на квартиру какого-либо человека. Местному населению запретили посещать Лавру, кто нарушит это указание лишается работы и выселяется с Почаева.

Все эти репрессивные мероприятия с той целью чтобы лишить население благодати Божьей получаемой при общественной молитве во Святой Лавре Почаевской, а братью Лавры лишить поддержки народных масс и изгнать как никому ненужных. Где свобода вероисповедания? Где свобода совести? В действительности все попра-

но, все растоптано, нет уважения на старости, ни любви юности, ни красоты молодости. Отделение Церкви от Государства в Почаеве понимают так: что монахи не должны иметь ничего производимого государством, а под этим видом местные власти произвели полное ограбление монастырского хозяйства еще приобретенного при Польской Республике, неговоря уже о настоящем: отняли все здания в Лавре, даже такие, без которых нельзя существовать, как-то: монастырское кладбище, с. ворота, водокачку, электростанцию, все хозяйственные помещения, грузовые и легковые автомашины и все ремонтно-строительные материалы (железо кровельное, облицовочное, мраморные и металлические плиты) цветной материал и прочее отобрали сад и огород, так что монахам негде и ступить. Но хозяйственные ценности их не удовлетворили они протянулись и до чистоцерковного имущества: описали ризницу, библиотеку, церкви и кельи монахов и таким образом подготовились к отнятию (закрытию) у народа любимой Святыни Лавры Почаевской. Указа о закрытии не издают, а применяют насильственное выселение монахов группами из Лавры, чтобы таким образом довести до того, чтобы не было кому обслуживать поломников молящихся), высылку производят самыми грубыми бесчеловечными методами: монахов ежедневно, уже в течении двух лет, вызывают в органы МВД (КГБ) где над ними издеваются, обзывают разными похабными нецензурными словами, мучают, бьют, требуя ухода с монастыря, так в прошлом году побили сторожа Лавры монаха Лищинюк Исидора, Григория Унку насмерть замучили в тюрьме, нанесли побои монаху станкевичу и ряду другим, но большинство монахов терпя разные муки нежелают оставлять Лавру до смерти, пусть нас замучают, а мы не уйдем. К такому применяют более сильное насилие: молодых освобожденных от военной службы по разным болезням (имевших белые билеты) по приказанию органов КГБ врачи признают здоровыми и мобилизовали на военную службу, хотя некоторые из них совершенные инвалиды и таким образом выгнали из Лавры, некоторых из них: как например Ликитенко, Пилецкий/Цьонь совершенно не могли проходить военную службу, то их обратно комиссовали, но в Лавру никаким образом не допускают, даже в Почаеве воспретили прописку им, только за пределы Тернопольской области. К старшим применяют также воздействия: в монастыре непрерывно проводят медицинские обследования монахов и многим приписывают разные болезни и насильно вывозят на лечение в больницы. В прошлом году длительное время содержали в Почаевской психобольнице со-

вершенно здоровую, никогда не болевших группу монахов (Головонева, Шворука, Никитенко, Шевкеника, Мирчукиц с больными насильно им применяли страшные уколы, что они остались еще живые. Вторично монахов проверяли на заболевание дизентерии и совершенно здоровых заключили опять в больницу, где их содержали более двух месяцев, где от них требовали ухода из монастыря, пока их не освободили аж через Московский Здраводел. Более стойких которые не хотят таким образом лечиться судят, отнимают паспорта, а потом передают к суду, так поступили с Соломкой Василием Ивановичем, в том что он будучи здоровым отказался от уколов и дали ему лишения свободы на один год что и возмутило множество народа от такого беззакония и сами отбирают паспорта за свою вину под суд монахов.

Таким образом уже судили 10 человек разных возрастов и санов, начиная от игумена и кончая простым послушником. Таким образом за период двух лет 1961 и 1962 г. органы КГБ «сократили» монастырь из 140 монахов осталось пока лишь 36, да и тем предстоит такая участь, ибо из этих 36 монахов по последней мекомиссии, проводимой над монахами 24 августа 62 г. признали снова больными 23 человека, при чем остро нуждающимися в стационарном лечении», хотя все они здоровы исполняют свои послушания в монастыре и никто не хочет лечиться. Но с ними могут поступить как и прежде насильно вывезут в больницу. Все эти насилия над монахами Патриарху, в особенности руководящему епископу Львовско-Тернопольскому Григорию известный, но они связаны по рукам и ногам и никакой силы не имеют и даже под угрозами работников КГБ, и по их указанию назначают на руководящие должности слабохарактерных не устойчивых руководителей, как например благочинного Лавры игумена ВЛАДИСЛАВА, который не искусен в монашеской жизни и спотворствует незаконным действиям местных властей, способствует выселению монахов. При таком попустительстве духовных властей гражданские власти захватили всю духовную власть и распоряжаются в Духовном соборе, как в милиции, по указанию органов КГБ созывают заседания духовного сбора на которых участвуют все руководящие лица района и райисполкома, органов милиции, начальник паспортного стола, партийных организаций и принимают и навязывают Духовному собору угодные им решения, под насилием заставляют подписываться членов Духовного собора Лавры на этих решениях. Происходит полное вмешательство во внутренние дела Церкви.

Все православное население нашей страны крайне возмущено

таким насилием партийных организаций и со всех концов нашей страны поступают протесты в высшие правительственные организации: Хрущеву, Брежневу, в редакцию «Известия» и прочее, но все эти протесты направляются на место в Тернополь и никаких решений не принимаются, а наоборот, репрессии усиливаются.

Все мы в отчаянии и просим Вас устранить все эти безчеловечные безобразия творимые под нами верующими и дайте возможность сохранить нам нашу святую обитель.

(имена подписавших по понятным причинам не публикуются).

Свящ. Георгий СЕРИКОВ

Что мне дало Движение⁽¹⁾

Я вернулся к Церкви через Движение.

Люди, которых я встретил в Движении, открыли для меня путь к сознательному христианству. Мой религиозный кризис в молодости (в России еще) был основан вовсе не на угасании веры в Бога, как я об этом тогда думал, (и, признаваясь в чем, я так жестоко огорчал мою покойную маму), — моя вера, думаю, никогда не выходила из глубины моего сердца: Правда Божия, экзистенциальная правда и любовь и жизнь духа всегда, и во время кризиса, продолжали составлять часть моего существа, моей личности, созданной по образу Божию и, следовательно, имевшей Его в себе. Но мой религиозный кризис я объясняю теперь пробуждением в молодости моего сознания и откуда-то взявшейся уверенности, что это мое сознание есть вещь положительная, должная, имеющая полное право на существование. Теперь, уже на старости лет, оглядываясь назад, я вижу что мой «кризис» вовсе не был утратой веры, но это была лишь утрата «темной» веры, «слепой» веры.

Окружавшая меня в детстве и в юношестве религиозность (так правдиво и красочно описанная Шмелевым), меня больше не удовлетворяла.

Бытовое христианство с его обрядовиством, суевериями, с его законническим, ветхозаветным характером и неосмысленным традиционализмом, с его прямым благочестием и чрезмерной «селейностью», с его запрещением всякой критики и рационализма, с его пренебрежительным отношением ко всякому знанию, с его враждой к интеллекту и к «интеллигенции», с его слепым поклонением перед церковными авторитетами, с его ретроградностью и подозрением ко всему новому, с его «те-

1) Доклад, прочитанный на осеннем съезде Р.С.Х.Д. в Бьевре, 20 октября 1962 г.

лесностью» и «сытостью», мешающими видеть «духовность» и духовную неудовлетворенность («жажду правды»), бытовое христианство, со всей этой его «Шмелевщиной» меня перестало удовлетворять... и наступил так называемый «кризис»!

Уже за границей, в Движении, во мне чудесно пробудилось откровение — да, я думаю, это было чудо!, откровение, что Христианство есть религия Логоса, что Христос есть не тьма и слепота, а «воссиявший миру Свет Разума» (Тропарь Рождества); «в Нем же звездам служащие» — астрономы и ученые — через эту свою звезду, т. е. через науки и знание и через рассматривание (Рим. I, 20) естественной жизни мира могут приходиться к «Востоку-Христу» и Ему — Солнцу Правды — кланяться.

В Движении я встретил Василия Васильевича Зеньковского, Бориса Петровича Вышеславцева, Антона Владимировича Карташова, Владимира Николаевича Ильина, Георгия Петровича Федотова, Елизавету Юрьевну Скобцову..., а, главное, в Движении я встретился с двумя гениальными столпами русской религиозной мысли (величие которых перерастет наш век), с отцом Сергием Булгаковым и с Николаем Александровичем Бердяевым. Встреча с этими людьми подтвердила мою уверенность, что истинная вера не противоречит знанию и знание не может противоречить вере, что «верующий студент» или «верующий философ» суть словосочетания не более фантастические и парадоксальные, чем «верующая нянька» или «верующий мужик».

В Движении я встретил верующих людей, вера которых не выделяла их из мира в особое сословие или касту и не мешала им исполнять самые разнообразные мирские должности и профессии: в Движении были членами и медики и астрономы, и геологи, и артисты, и танцоры, и музыканты, и поэты, и математики, и естественники, и философы, и техники, и художники... Та взаимная неприязнь, которая была в России между «духовным сословием» и людьми светскими, была здесь уже больше немислима.

За свою 40-летнюю историю, Движение доказало, что культурный, образованный и интеллигентный человек может быть верующим и даже стать священником, и что грубость, невежество, неопрятность и некультурность русских монахов и, так сказать, «попов» (как пренебрежительно, свысока называли священников русские интеллигенты) вовсе не является нормой вещей, но плачевным результатом «секуляризации» мирского и духовного.

Движение показало мне и утвердило меня в необходимости религиозного просвещения, изучения Слова Божия, истории Церкви, церковного Предания и христианской мысли. Не будь Движения, я может быть, никогда бы не поступил в университет на богословский факультет и потом в Православную Академию, — причем форма кружков через Движение зарекомендовала себя как достойное выявление православной Соборности! Собственно говоря, я и не вижу иной возможности реализации соборности как через совместную беседу, молитву и активность, как через создание в церкви ячеек под видом братств, содружеств и кружков... Христианство не может быть индивидуалистично. Оно хотя и

признает ни с чем не сравнимую ценность отдельной человеческой личности, но личность в христианстве органически связана, солидарна с другими личностями, с обществом, т. е. с Церковью. Личная религиозная жизнь человека подразумевает обязательно сознание его связи с другими людьми. «Я не могу спастись один (как говорит Бердяев), если я забуду о других!» С православной точки зрения «Я» и «Мы» суть понятия коррелятивные, как «муж» и «жена», как «сын» и «отец», как «смычок» и «скрипка», как «лук» и «стрела».

Движение положило начало моего ознакомления с Православием таким, какое оно должно быть и каким оно было в первые века христианства. Увлечшись Движением, я пребывал в некоей «мысленной христианской идиллии!» Это может быть и хорошо с одной стороны, а с другой стороны так же жестоко, как жестоки прекрасные, счастливые сны и пробуждение от них.

Одной из утопических христианских идиллий, с которыми я начал знакомиться в Движении, была, между прочим, идиллия церковной соборности. Мы верим в «Соборную христианскую Церковь», но церковная соборность есть предмет нашей веры, а не видения. Этого не нужно забывать и воображать себе, что Соборность есть уже данное, а не только лишь заданное! Иллюзорная идиллия актуальной (не только лишь потенциальной) соборности исторической церкви, идиллия, которую себе строят наивные, вроде меня, неопиты, является, может-быть, следствием реакции против протестантизма, строго разделяющего церковь историческую, видимую от Церкви святой, невидимой. Протестантов не может испугать то, что в видимой Церкви нет любви, творятся ужасы, побеждает неправда и торжествует зло... Протестанты на это говорят: «Ну, что же, что видимая церковь грешна!... невидимая, святая Церковь от этого не страдает... она отделена от Церкви видимой». Боясь этого протестантского разделения, пахнущего, конечно, несториянской ересью разделения двух естеств во Христе, наивные православные мечтатели хотят в видимом, телесном, историческом признать наличие невидимого, божественного и святого. Это детское, наивное православие, боясь несториянства, впадает в монофизитство и внешнее, временное, дефективное и историческое принимает за вечное, небесное и безгрешное, т. е., строго говоря, творит себе кумир!

Нужно решительно сказать, что, хотя и правда, что во Христе две природы соединены нераздельно, но они же соединены и неслиянно (!); хотя и правда, что Церковь невидимая, мистическая, святая соединена с церковью исторической нераздельно, но она же соединена неслиянно (!); хотя и верно, что священникам дается благодать, но это не значит что священники не ошибаются (1).

1) На Съезде Движения в Клермоне запомнился мне такой случай: после большого спора на богословскую тему, когда мнения участников Съезда разделились на две части и было неясно на чьей же стороне правда, один молодой дьякон (только что рукоположенный отец Г. Ш-н) подумал, что его сан разрешит недоумение и, поднявшись с места, торжественно и авторитетно сказал: «В качестве Православного дьякона я заявляю, что...» и т. д. Это, конечно, было наивно с его стороны.

Движенские кружки, съезды, братства и содружества, Движенская настроенность первых лет его существования (вспоминаю рю Жан-де-Бовэ, рю Дюпюитрэн, Аржероны, Клермоны...) имела действительно нечто от настроенности перво-христианства и была благоуханной, очаровательной идиллией вновь обращенных к вере людей.

Описанная в Деяниях Апостольских картина перво-христианской общины, когда «все верующие были вместе и имели все общее» (II, 44), когда братья постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и молитвах, в веселии (духовном), в единодушии и простоте сердца... — эта картина была наблюдаема в Движении в первые годы его существования людьми моего возраста, только что пережившими трагедию утери родины и нашедшими утешение в этой бальзамической, церковной идиллии. Я благодарю Бога за то, что Он дал мне быть свидетелем этой религиозной Весны, этого Утра, этой Песни-Песней!

В Христианстве есть этот весенний, пасхальный, возрождающий и обновляющий момент. Христианство принесло миру «новую заповедь». Христианство по-новому отнеслось к Закону. Христианство внесло реформу в отношениях человека к Богу и человека к человеку. Не забывая об «отцах», христианство обратило внимание на «детей». Проблема «Отцов и Детей» разрешилась в христианстве полюбовно: «Чти отца твоего и мать твою» осталось, но дополнилось новым: «Будьте как дети!». Христианством освящаются и плоды осени и цветы весны. Христианство не против отцов, не против старины, но против культа Молоха, — того языческого бога, которому приносятся в жертву дети и юноши. Христос не против старого Закона, но Он против законничества, Он не против субботы, но против того, чтобы человек был рабом, а не господином этой субботы.

Христианство принесло миру откровение о человеке, о его царственном положении в космосе, о ни с чем не сравнимой ценности человеческой личности. В этом своем «гуманизме» христианство революционно: никто и никогда еще не знал до Боговоплощения, что человек есть центр мира или, по выражению Тэйлар-де-Шардэна, «исполнение Вселенной», а дальние звезды, находящиеся от него на расстоянии 3 миллиардов световых лет, суть его — человеческая — окраина. До пришествия в мир Христа, никто не подозревал, что и создан то мир для того, чтобы, через Себе-подобного человека, Бог мог воплотиться в него, «обожить» его и привести к Себе! Это головокружительно, но это так.

Я говорю обо всем этом, потому что узнал я об этом всем в Движении, от тех мыслителей, которые вдохновляли Съезды, руководили занятиями в кружках, писали статьи, читали лекции, поощряли, направляли, христианизировали мировоззрение Движенской молодежи.

Движение пленило меня своей религиозной свежестью, новизной, модернизмом. Я не боюсь этого слова «модернизма», столь пугающего бытовых христиан, консерваторов, думающих, что «Православие» заключается в том, чтобы жить только «по старинке», ничего не изменяя из того, что было в прошлом. Хотя консерватизм, культ предков и традиционализм суть необходимый элемент всякой культуры и, нужно сказать, что правда — не хорошо, «Наевшись желудей до сыта, до отвала»,

после этого подрывать корни у того дуба, который эти желуды вырослил, — как это замечательно говорится про свинью в басне Крылова! Но жизнь не стоит, а течет, и это течение есть действие Святого Духа. Это Он делает весну и Пасху. Это Он создает Новый Иерусалим, Новое Небо и Новую Землю (Апок.).

Эволюция есть закон жизни: «Отец Мой донныне делает и Я делаю» — говорит Христос, оправдывая непрестанное творчество жизни. (Ио. V, 17). И Сам Он в Назарете эволюировал от детства, через отрочество и юность, «возрастая и укрепляясь духом и исполняясь премудрости» достиг зрелого возраста. (Лк. II, 40, 52). Это «возрастание» вполне законно, если оно находится, как у Христа, в гармонии с «послушанием» родителям и в любви к ним. (Л. II, 51).

Духовное обновление, новаторство и модернизм Движения находится в исторической связи, в родстве с обще-русским религиозным Ренессансом начала XX века. И не случайно в парижском журнале «Путь» сотрудниками были многие лица, писавшие в «Новом Пути», издававшемся в России перед революцией. Авторы статей этих двух журналов (несмотря на большое, иногда, различие характеров и религиозных установок: стоит вспомнить имена Флоренского, Мережковского, Розанова, Гиппиус, Блока, Булгакова, Андрея Белого, Ельчанинова, Франка, Бердяева... чтобы в этом убедиться), несмотря на их различия, имели одно общее стремление — обновить православную мысль и залечить плачевную секуляризацию двух культур, светской и религиозной.

Р.С.Х.Д. есть младший брат Русского Религиозного Ренессанса XX в. — это должны помнить молодые движенцы следующего за мною поколения, чтобы понять их место в истории русской культуры.

Современный нам русский атеизм, материализм и антиклерикализм в большой мере объясняется той секуляризацией двух культур (духовной и светской), которая царил в умах русской интеллигенции XIX века. Просмотрите так называемые «безбожные» книжки, которые издаются в Советской России (а это сделать вы должны) и вы увидите, что нападки на религию большей частью есть нападки на отсталость верующих людей в области научной, социальной, экономической, психологической и обще-культурной.

Мне больно, страшно больно, читать комсомольские журналы и антирелигиозную литературу и видеть их критику отсталых религиозных позиций, критику, исходящую не от самих христиан — как это должно было бы быть — а от безбожников, что дает им козырь в руки, ибо они говорят часто объективную правду. Мне больно бывает слушать людей отошедших от веры и от Церкви по причине их протеста против нашей русской отсталости и обскурантизма в области экзегетики, археологии, философии и истории.

Мне больно, что русские люди, не только живущие там, за железным занавесом, но даже и здесь, на Западе, игнорируют современную экзегетическую, библейскую и научно-философскую религиозную литературу. Мне больно, что не только советские атеисты, но и здешние эмигранты, критикующие Церковь и христианство и Библию за их отсталость ничего не знают о трудах Тэйлар-де-Шардэн, Эдуарда Дорма,

Лягранжа, Луази, Адольфа Ло, о трудах Штэймана, Ости, Гролленберга и многих других христианских ученых и историков и экзегетов, так блестяще борющихся с религиозными предрассудками и затхлой, покрывшей плесенью стариной.

Мне больно видеть, что в то время, как в западном христианском мире (у католиков, протестантов) верующие люди давно отказались от устаревшей экзегетики, от наивных религиозных установок и суеверия, от слепого традиционализма и своеобразного религиозного атавизма... мы, православные, так возлюбили старину, что готовы превратить православную историческую церковь в антикварный магазин или археологический музей. Нет, Православие это есть жизнь и цветение. Оно есть непрестанное веяние Святого Духа. Оно есть живая правда, живая, актуальная любовь ко всем людям и к умершим и к живым. Память о смерти и о прошедшем нам нужна для того, чтобы лучше и полнее жить, а не для того, чтобы умирать и во имя прошлого отрицать современность. Христианский экзистенциализм нового времени основывается на этой вере в жизнь, на вере в живого Бога и живительного Духа, Который Своими энергиями создает непрестанное Движение и всех ведет в Царство Славы.

В Движении, благодаря Движению, я познакомился с Экуменизмом. Будучи посылаем делегатом от Движения на инославные, международные Съезды и во Франции, в Амстердаме, в Англии, в Швейцарии, в Чехии... я познакомился с христианами других конфессий и принял в сердце правду экуменического Движения. Я навсегда понял, что есть у всех христиан нечто общее, главное и есть нечто второстепенное, особенное, историческое, местное... Я понял, что человек в праве любить это свое местное, временное: свою семью, свое общество, свою родину, свою церковь. Больше того: в этом своем, родном человек может усматривать объективную ценность и стремиться ее распространять на всех в мире. Но эта миссия, это мессианство, это миссионерство должно учитывать Божественные права и возможности Святого Духа, Который «Дышит идее хочет» и Который преодолевает нашу ограниченность, Который «из камней может воздвигнуть детей Аврааму» (Мт. III, 9) и каменные идолы превратить в образы своего откровения.

Я благодарен Движению за его «Русскость». Хотя наше Движение, как я сказал выше, является наследником и продолжателем **религиозного Ренессанса XX века**, и почин религиозных кружков был сделан еще в Москве (с этими Московскими кружками нас соединяют имена Липеровского, Никитина, Краевич-Юрьевой), но попавши за границу, Движение приобрело значение организации не только религиозной, но и русской. И несмотря на нападки и клевету ультра-национальных организаций, нужно сказать, что Движение проделало в этом смысле огромную работу. Может-быть, ни одна из эмигрантских организаций не сделала столько для поддержания и распространения русской культуры среди молодежи, сколько сделало Р.С.Х.Д. — стоит пойти в книжный магазин на rue de ля Монтань-Сэнт-Женевьев, чтобы в этом убедиться.

Закончу тем, с чего начал: в Движении я встретил людей... Движение не есть некая отвлеченная, теоретическая идея. Движенскими идеями горели живые, дорогие, незабвенные для меня люди — покойные и здрав-

ствующие. Я очень люблю идеи, философию и богословие (я — идеалист и богослов), но я больше всего люблю носителя этих идей, человека. И таких людей каких я встретил в Движении я больше нигде не встречал. Эти люди, эти мои друзья являются для меня самым ценным, что мне дало Движение. Имена их написаны на моем сердце, и эти имена я унесу по ту сторону уже кончающейся моей здешней жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ЗАПИСИ» СВЯЩ. А. ЕЛЬЧАНИНОВА

(Третье издание дополненное, ИМКА-ПРЕСС, 1962)

Эта рецензия неминуемо выйдет очень личной. То, с чего я хочу начать было на Дарю. Я был восемнадцатилетним студентом и у меня в тот момент был целый «рой проблем». В зрелом возрасте это кажется юношески несерьезным, но настоящий педагог знает, что от решения этого «роя проблем» зависит весь дальнейший путь жизни. О. Александр был таким педагогом. Встреча была мимолетная, но запомнившаяся на всю жизнь. Тогда же, он дал мне несколько тоненьких страничек и эти странички я бережно хранию, а имя о. Александра среди самых близких мне имен. Но фактически я у него никогда не исповедывался. А странички эти вошли в его посмертную книгу, о которой сейчас речь.

Прошло много лет. О. Александр уже ушел из нашего мира. Я только что вышел из югославской коммунистической тюрьмы и передо мной стоял уже не «рой проблем» как в юности, а жизнью поставленное задание со всей остротой жизненной проблематики. В этот момент я встретился с женой покойного о. Александра. В ней, в ее подходе к жизни, в ее оценках, в ее случайных мыслях — знает она это или нет — нельзя было не узнать о. Александра. В те минуты это было и ответом и указанием — в самый нужный момент.

Тогда же я получил от нее книгу «Записи». И так уж случилось, что прочитать их сразу я не смог. Книга осталась лежать на полке ожидая очереди. Когда эта очередь пришла и я начал ее читать, я был поражен до какой степени некоторые ее страницы — не всегда те которые я знал смолodu — отвечали мне на тот жгучий вопрос, который стоял передо мной именно в ту минуту. Я прочитал книгу жадно и залпом.

Таким образом было у меня три встречи с о. Александром — личная, в лице его жены и в его книге. Каждый раз это было в самый нужный момент.

Это личное свидетельство — необходимое введение в рецензию о книге. Я знаю, что не один читатель узнает и себя в том, что я только что сказал.

Перехожу к самой книге — ее третьему дополненному русскому изданию, только-что вышедшему из печати.

Читатель вероятно знает, что первое издание «Записей» появилось много лет назад, быстро разошлось, было издано вторично и переведено на английский язык Еленой Извольской. В ее книгу «Христос в России» вошли также выдержки из «Записей».

Приблизительно половина всей книги «Записей» вошла в книгу Федотова «Сокровища русской духовности» (по-английски), сопровождаемая статьей о нем Федотова и, таким образом, имя о. Александра оказалось в ряду таких имен как преп. Феодосий Печерский, преп. Сергий Радонежский, протопоп Аввакум, преп. Серафим Саровский, о. Иоанн Кронштадтский... из этого читатель может судить какого калибра книга «Записи». Среди иностранцев интересующихся Православием имя Отца Александра Ельчанинова стало синонимом «современного издания», на теперешнем языке и в понятиях двадцатого века, древних сокровищ Русского Православия.

Разумеется, такое сопоставление создает культ, а это часто уводит от подлинного человека, создавая его идеализацию. Это неизбежно и «иконографический» подход к тем, кто достиг духовных высот — одна из особенностей Православия, которую любил сам о. Александр. Но нам хочется видеть в нем и того человека каким он был в жизни. Третье дополненное издание является поэтому особенно ценным: помимо того, что оно дает возможность ознакомиться с драгоценными мыслями о. Александра тем, кто не имел этого счастья раньше, оно дает новые материалы, доселе неизвестные, где еще большая духовная высота и еще большая человечность: отец Александр каким он был в жизни.

Достаточно взглянуть на внешнее оформление книги, чтобы увидеть насколько третье издание лучше первых двух. Это те же «Записи», с той же подписью-автографом и церковкой на обложке, но формат больше, шрифт крупнее, читать легче. В книге много фотографий, в частности ранних — в молодости, в гимназической и военной форме. Предисловие, которое в первых двух изданиях занимало не полную страницу, теперь охватывает восемь. Написанное его женой, оно включает в себя целый ряд свидетельств его друзей (полностью напечатанных в книге «Памяти о. Александра Ельчанинова»), дает некоторые биографические подробности и чрезвычайно живо передает весь лучезарный облик о. Александра в жизни, что в самой книге не так заметно. То же можно сказать и о фотографиях — от юности до гроба.

В тексте все распределено так же как и в первых двух изданиях: «Отрывки из Дневника», «Из писем к молодежи», «Советы молодым священникам», «Полезность веры» (сжатая, богатая материалом апологетика), «Беседа перед исповедью», и — в самом конце «Демонская твердыня». Но перед этой последней беседой о гордости включены две новых главы: «Беседа о Католичестве и Православии» и «Говение в монастыре». Кроме того довольно много нового материала в других местах книги, особенно в «Отрывках из Дневника».

Скажу сначала несколько слов о двух новых главах. Разумеется, они не «новые», «Говение в монастыре» написано раньше, чем все остальное — еще в гимназии. Юношески непосредственно, красочно и поэтично, не

без лирики, с большой вдумчивостью и глубокими мыслями, описывается грузинский монастырь на Кавказе с оставшимися в нем двумя старыми монахами. О самом говении — ни слова. Лишь признание, что на богослужении «скупал», с самооправданием (на которое так обрушился о. Александр впоследствии в «Демонской Твердыне»), что «служили по старо-грузински». Молчание о самом говении типично. Внутренняя жизнь раскрывается в том, как передается вся атмосфера монастыря. Себя показывать о. Александр не любит уже с гимназической скамьи. Включение в книгу этого раннего отрывка дает законченность: о. Александр виден весь, с начала до конца, во всем своем развитии — от гимназиста до пастыря-страстотерпца.

«Беседа о Католичестве и Православии» — единственно строго выдержанная теоретическая богословская заметка. Сравнительное богословие одно из самых трудных: сравнивать не легко. В этой заметке поражает ее сжатость, прямо-таки скупость слов, но при этом ясность и отчетливость. Из нее можно убедиться в том, что о. Александр хорошо знал, во что верил и что было делом его жизни, идя прямым и ясным путем. Без этой статьи, на основании других страниц книги, можно было бы подумать, что о. Александр весь «ушел в духовность», в пастырство, в поэзию, в созерцание и от теоретического богословия был далек. Но это не так. Духовность не может принести плодов без укорененности в сознательной вере, веро-исповедании. Сама по себе эта статья могла бы войти в любой серьезный энциклопедический словарь. В ней всякий легко и просто может увидеть всю разницу между Православием и Католичеством, со всей объективностью и с полным признанием не только положительных, но и лучших сторон Католичества. Однако, Православие, без полемического задора скромно, но во всей силе и, несмотря на все «нестроения» в жизни, встает перед читателем как «чистота Христова учения».

«Отрывки из Дневника» — жемчужины. Это отдельные мысли, вскрывающие внутреннюю жизнь о. Александра и дающие современный ответ на многие вопросы многим людям. В этом вся их ценность. Писал, вероятно, чтобы лучше вникать в себя, перечитывать... Редакционно можно придаться к тому, что эти материалы «не причесаны». Некоторые мысли повторяются, некоторые отрывки не окончены или неловко сказаны и как будто ничего особенного из себя не представляют. Это может помешать ленивому читателю. Федотов в своей книге «причесал» свой материал, выбрав наиболее яркое и значительное. Но так как в «Записях» — лучше. Это — подлинное, непосредственное, идущее из души. Новые отрывки, которых нет в прежних изданиях, делают эту подлинность еще более красочной. Жаль что нет всего, что сказал или написал о. Александр, всего что осталось в его бумагах... Ненасытная душа жаждет еще... Потому-что в этих жемчужинах, в этих мыслях раскрывается нечто совершенно особенное, очищающее... Очень много — о страдании. Пророчески вдохновенно, задолго до мук смертельной болезни о. Александр видит себя в этом очистительном огне и сам протягивает к нему руки. Как это много — читать вдохновенные мысли об «очищающей силе страданий», зная, что автор выполнил это в жизни. В

этом вся сила Христа. Можно сказать, вслед за Апостолом Павлом, что в о. Александре «изобразился Христос».

«Отрывки» богаты. Они откликаются на все в жизни. Третье издание книги особенно полно это показывает. Глубоки и во многом замечательны мысли о браке. Удивительно хороши некоторые отрывки, своего рода «стихотворения в прозе». Они так не названы, но и Гоголь и Тургенев не отказались бы включить эти строки в свои страницы.

«Слева маленькая деревушка вокруг церкви, справа — прекрасные луга, а прямо за перевалом — безмерный вид на горы, полосами и пятнами покрытые снегом. Кругом — совсем близко — разорванные зубчатые скалы... Я долго сидел наслаждаясь тишиной, горами, запахами... Внизу цветов совсем не было, а здесь — на высоте, такое изобилие, как будто они рождаются не из земли, а из воздуха и солнца...»

«Вкус солнца — горько соленый, как у моря, а запах как у горьких трав, растущих на сухих скалах. Чабер более солнечная трава, чем влажные розы...»

Вот такое солнце сам о. Александр в этой книге и потому такое греющее и такое светлое.

Протоиерей Владимир Родзянко

Лондон, 1962 г.

АД И РАЙ

(По поводу двух последних книг П. Н. Евдокимова (1)).

Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы; ты знай,
Где сторожат нас ад и рай.

А. Блок. «Возмездие».

I.

Творчество мыслителя предстоит нам в виде законченной постройки, в виде здания, которое можно изучать идя двояким путем: можно обойти его кругом и отметить и описать все особенности всех его сторон; и можно вселиться в него и усмотреть его единство изнутри, почти что отождествив себя с ним. При этом втором способе познания чужого творчества мы присутствуем при своеобразном процессе: «сложность мысли постепенно уменьшается; затем отдельные части срастаются друг с другом; и, наконец, все собирается в одну точку, к которой мы можем бесконечно приближаться, без надежды постигнуть и в полной мере» (2). В своей книге о Гоголе и Достоевском П. Н. Евдокимов сознательно идет этим вторым путем, и это придает его книге свежесть, современность, новизну, выдвигая ее в ряд наиболее интересных книг, написанных о Гоголе и о Достоевском.

Внешнее построение ее как будто говорит об исследовании по истории русской литературы. Творчество как Гоголя, так и Достоевского рассматривается в связи с их биографиями и в хронологическом порядке их произведений. Но это только внешняя рамка исследования. На самом

1) См. примечания в конце статьи.

же деле автор не просто излагает их мысли, но входит в их духовный мир, принимает их проблематику и, изучая их духовный путь, проходит его сам. Более того: он продолжает этот путь, полагая, что в области мысли основным является та духовная реальность, пред которой в изумлении стоят философ и художник, а не их попытки (как бы удачны и совершенны они ни были) эту реальность схватить, зафиксировать и сделать доступной другим. Поэтому книга П. Н. Евдокимова не есть история литературы, не есть даже история философии, а сама философия, искание «самого главного» (по определению Плотина). Она есть подлинное продолжение духовного труда Гоголя и Достоевского по «преодолению ада».

Творчество обоих гениев, несмотря на всю свою сложность и внутреннюю противоречивость, представляет собой как бы два изваяния, которые являются целостными в себе и вместе с тем связанными одно с другим. Связаны они не только общим устремлением ввысь, к небу, к Богу, но и общим переживанием человеческой немощи, греха, зла, каковым в своем пределе является «сошествие во ад». Но это переживание ада, также как и методы борьбы с ним и результаты этого подвига у обоих писателей глубоко различны.

Оружием Гоголя является смех; оружием Достоевского — идеальный образ. Смех, который, по мысли Гоголя, должен был быть орудием спасения, на самом деле его погубил. Утопией Гоголя была вера в то, что смехом можно бороться со злом и преображать жизнь. Начиная работать над «Ревизором» он писал: «духом моя комедия будет в три акта и, клянусь, куда смешнее черта».

Черт был для него смешон; а смешное не принимается всерьез: вот в чем корень трагедии его творчества. Сначала смех и издевательство над чертом носит у него характер беспечной игры («Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством»), но затем сила черта растет, углубляется и становится все более страшной; однако Гоголь не перестает смеяться; но действие злой силы перестает быть явным; она камуфлируется до такой степени, что ее надо отгадывать. С удивительной тонкостью и убедительностью П. Н. Евдокимов вскрывает скрытый смысл и глубокий демонизм таких казалось бы невинных произведений, как «Шинель», «Нос», «Записки сумасшедшего». Все они являются насмешкой над чертом, которая достигает своего апогея в «Ревизоре» и «Мертвых душах». Но здесь смех обрывается, или, вернее, заглушается смехом черта над Гоголем: ибо читатели принимают обличение за зубоскальство, в проповеднике-пророке видят комика, то-есть, по существу, шута и Гоголь попадает в невозможно ложное положение. Он хотел посмеяться над чертом, но черт посмеялся над ним. Французская пословица говорит: *rira bien qui rira le dernier*. Этим *dernier* оказался черт. Знал ли Гоголь, что в стихирах великого Пятка ад назван «всесмехливым» (то-есть над всем смеющимся)? (3) Человеческой ли силе бороться со смехом ада? Эту неспособность человека «пересмеять» дьявольскую силу повидимому понимал современник Гоголя Киркегор. «Смеяться последним» означало для него особый, нечеловеческий дар. Вот его слова: «со мной случилось внезапное чудо: я вдруг очутился на седьмом небе, перед сонмом богов. В знак особой милости мне было предоставлено право пожелать, чего угодно. Хочешь,

спросил Меркурий, молодости, красоты, власти, долгой жизни, или любви первой красавицы в мире, или выберешь себе какую-нибудь иную усладу из нашего хлама... выбирай, но что-нибудь одно. После минутного раздумья я обратился к богам со следующими словами: почтенные современники, я выбираю право всегда смеяться последним. Ни один из богов не ответил ни слова, но все засмеялись, из чего я заключил: 1) что просьба моя уважена; а 2) — боги обладают тактом: было бы ведь некстати серьезно ответить мне: «да будет по твоему»... (4). Этот отрывок не имеет продолжения; но в творениях Киркегора немало страниц посвящено демонической сущности смеха — этой самой загадочной непонятной функции человеческого духа.

Смех Гоголя умолк; но верный своим идеалам, он избрал другой путь — путь учительства (совершенно так же как Толстой, когда он умолк как художник). Но здесь его ждала еще большая неудача: его смеха не понимали; его поучений не приняли. И это понятно, потому что в этой области у него никакого дарования не было... Большой заслугой П. Н. Евдокимова является, то, что к этому периоду жизни и творчества Гоголя он относится так же внимательно, как к его гениальным произведениям. В этом он вполне последователен: все творчество Гоголя собрано для него «в одну точку»; эту точку, освещающую все, что Гоголь писал и все, чем он страдал, автор усваивает, изучает, продолжает. Его мысль, сопутствующая последнему «пожару души» Гоголя, его предсмертным мучениям и блаженной кончине — выводит нас за пределы Гоголевской неудачи и обращает к творчеству другого «борца с адом» — Достоевскому, который завершил свою жизнь победой над ним, но никогда не смог бы этого достигнуть, если бы ему не предшествовала неудача Гоголя.

Внешне пути их не только различны, но, в некотором отношении, противоположны. В смысле чисто литературном Достоевский начал с того, чем Гоголь кончил: с художественной неудачи. Первые его произведения — «Двойник», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Белые ночи» — мучительно длинны и растянуты: гениальность писателя в них только угадывается — и то в перспективе его дальнейшего творчества. Но это не останавливает П. Н. Евдокимова от внимательного анализа и этого периода его творчества — наиболее близкого к Гоголю. Так темы «Двойника» (которого Достоевский считал одним из самых значительных своих произведений, хотя и неудавшегося в отношении формы) ясно навеяны «Носом» и «Записками сумасшедшего». Но если Гоголь разработал эту тему (раздвоения личности) онтологически (прикрыв ее в первом случае «необыкновенно странным происшествием», а во втором случае психопатологией), то у Достоевского она преломилась в психологическом анализе, который не отменяет онтологической сущности, но делает ее более явной, более осязаемой — мучительной и понятной (заметим, что эта тема проходит красной нитью через все творчество Достоевского: Свидригайлов, Версиков, Ставрогин, Иван Карамазов). Этот «психологизм» Достоевского (5) получил безмерную глубину в результате его исключительного жизненного опыта: переживания неминуемой смерти (комедия смертной казни), шести лет «мертвого дома» и безумной трагической любви. Все эти переживания открыли его глаза на бесконечность человеческого духа и более того: на тайну сосуществования в одном и том же человеке двух бездн, двух

крайностей: красоты Мадонны и красоты Содомы... Достоевскому не нужно было искать зла во вне: он носил ад в самом себе. И даже самому «отцу лжи», который в главе «Черт» выведен в виде «поседелого Хлестакова» (опять Гоголь!), Иван Карамазов говорит: «ни одной минуты не принимая тебя за реальную правду; ты — ложь, ты — болезнь моя, ты — призрак, ты — моя галлюцинация... Ты — воплощение меня самого, только одной, впрочем, моей стороны... моих мыслей и чувств, только самых гадких и глупых». Не следует, однако, думать, что это — психологизирование зла превращает его в «психологизм», то-есть в нечто субъективное, иллюзорное, относительное и поэтому безопасное. На самом деле оно усиливает его действительность, потому что враг человека оказывается и вне и внутри его самого. «Бесы действительно существуют, но понимание их может быть различным» говорит Тихон. «Я тебя вожу между верой и безверием попеременно, говорит черт, а колебания, беспокойство, борьба веры и неверия — это ведь такая мука для совестливого человека, что лучше повеситься (6). Эта мука, этот ад присутствует во всех романах Достоевского, и соответственно этому основной его задачей является борьба с адом, преодоление его в себе, а, следовательно, и в мире.

Что же является главным оружием Достоевского в этой страшной борьбе?

«Имя и образ» — вот все, что дано «самостоятельной русской идее» для ее воплощения; нет для нее ни другого начала, ни другого мерила» (7)... Это непосредственно подводит нас к тому самому важному и основному, в чем П. Н. Евдокимов видит ключ к пониманию всего духовного подвига Достоевского: это его «иконографическое восприятие мира» (глава «La vision iconographique»), благодаря которому все в жизни получает символическое значение

«Везде идут незримые течения
Они вокруг нас, они в тебе, во мне,
Все в мире полно скрытого значения
Мы на земле — как бы в чужой стране.»

Этот стих Бальмонта, (посвященный памяти Вл. Соловьева) хорошо определяет ту духовную установку, которую П. Н. Евдокимов открывает у Достоевского и благодаря которой читает его по-новому, видя то, что раньше оставалось незамеченным:

«много раз благословлял я мысленно тебя за лик твой», говорит Алеше Карамазову старец Зосима: «и к брату твоему (Димитрию) я послал тебя, ибо думаю, что братский твой лик поможет ему».

«Художник изучает лицо и угадывает его идею», говорит Версиков (в «Подростке»).

Этим трансцендентным значением лика человеческого (8) объясняется то внимание, с которым Достоевский относился к своему несравненному искусству портретиста (9).

Но не только лицо человека указывает на ту «идею», которую оно частично несовершенно воплощает: то же относится ко всей природе, ибо все вещи имеют свой «смысл». П. Н. Евдокимов справедливо указывает на то, что картины, подобные описанию монастыря звездной ночью («над ним широко, необозримо опрокинулся небесный

купол, полный тихих, сияющих звезд...») на самом деле является неотъемлемой частью — «сияющим золотым фоном древних икон».

Икона не есть портрет: ее связь с тем, что или кого она изображает — с ее прототипом — чисто внутренняя, духовная; основанная на созерцании сущности, а не на ассоциации сходства, она угадывается, а не усматривается. Это объясняет неуместность искания внешнего сходства со Христом и в частности неудачу князя Мышкина, черты лица которого явно списаны с образов Христа. Достоевский хотел изобразить в нем Христа в современной обстановке, но на самом деле дал только «подделку иконы, неудачное подражание, в крайнем случае портрет, без какой-либо силы и убедительности. Ибо картина, даже религиозного содержания, всегда содержит имманентный треугольник, в который входят: художественное произведение и созерцающий его; и возбудить она может только эмоции. А икона разрушает этот треугольник ибо по своему существу икона свидетельствует о явлении и о присутствии четвертого элемента: той потусторонности, которая через нее просвечивает. Князь Мышкин лишен подобного присутствия Божества не в меньшей степени, чем Кириллов; тогда как в Алеше ясно ощущается присутствие небесных сил» (10).

Все эти соображения ясно начертывают тот путь, который рисуется Достоевскому в качестве единственного возможного преодоления ада. Вячеслав Иванов формулирует его следующими словами: это есть «строеие на земле церкви невидимой из невидимого камня, причем сами строители не могут чувственно воспринимать создаваемое ими, доколе невидимое не разоблачится во славе (11). Следуя этой традиции П. Н. Евдокимов говорит: «добро никогда в мире не торжествует явно. Понятна поэтому та непреодолимая трудность, о которой встепился Достоевский-романист, когда задумал дать образ положительно-прекрасного человека. В своих заметках он спрашивает себя: кем может быть этот человек в жизни: судьей, общественным деятелем?.. От подобных перспектив он отказывается и обращается к жизни великих подвижников. Вот почему его святые не участвуют в практической жизни, но влияют на нее «по иному». Достоевский живописует образ святого и помещает его в качестве иконы на стене комнаты. Но смысл событий, совершающихся в этом доме, становится понятен только в свете этой иконы».

Практическим осуществлением этого пути является по Достоевскому — Евдокимову внутреннее «белое» иночество — «*monachisme interieurisé*», формула которого дана в «завещании» старца Зосимы любимому им Алеше, а через него — всей русской молодежи: «мыслью о тебе так: изыдешь из стен монастыря, а в миру пребудешь как инок; много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя; много несчастий принесет тебе жизнь, но ими ты и счастлив будешь и жизнь благословишь, и других благословить заставишь...».

II.

Вторая книга П. Н. Евдокимова, о которой мы хотим здесь говорить, посвящена любви и браку. Подобно книге о Достоевском она является переработкой и обновлением более раннего труда, вышедшего в 1944 г. под заглавием: «*Le Mariage, sacrement de l'amour*» (Ed. du Livre Fran-

çais, Lyon), переизданного несколько раз и ставшего в настоящее время библиографической редкостью. По этому поводу автор пишет в предисловии: «Двадцать лет — большое испытание для книги, и несмотря на то, что мы остаемся верными первоначальному ее замыслу, мы чувствуем необходимость вернуться к этой теме, приняв во внимание опыт нового времени, результаты научных исследований духовных явлений, размышлений, связанных с вновь возникающими проблемами нашей эпохи... Нашим самым горячим желанием является продолжение нашего диалога с прежним внимательным читателем, ищущим углубления своей духовной жизни и стремящимся понять тайну любви на той глубине, на которую ставит ее апостол Павел, говоря, что тайна эта — «во Христа и во Церковь»...»

Читая эту книгу, полную вдохновенных мыслей о любви и о браке, мы невольно противопоставили ее книге о Гоголе и Достоевском, как весть о рае, противоположном живописанию ада. Однако, этот наш жест требует оправдания и мы находим его в «Христианской философии брака» С. В. Троицкого (12): «Св. Писание видит в браке таинство, установленное в раю», пишет он: «Райская семья совпадает с церковью (ибо другой церкви человечество тогда не имело), а христианская церковь есть продолжение церкви райской... Райская церковь не была уничтожена грехом, а продолжала существовать, и семья была именно тем островом, которого не захлестнули окончательно волны греха» (стр. 51 и 54). Эти слова ученого канониста вполне оправдывают восприятие брака и любви как реальности рая на земле — пусть омраченного грехом и несовершенством, но вечно расцветающего новыми видениями неба на земле:

«И снова будут чисты розы,
И первой первая Любовь!
Людьми изведенные грезы
Неведомыми станут вновь». (13)

Это восприятие любви и брака встречает однако опасного врага в лице противоположной традиции, унаследованной от язычества и гностицизма и видящей в женщине исчадие ада, в любви и браке — низведение человека на уровень животного. Здесь вспоминаются слова Б. П. Вышеславцева, что основными функциями человеческого духа являются профанация и сублимация всего существующего. Все может быть воспринято в свете Солнца Правды и в освещении адского пламени, но нигде эта возможность не осуществляется в столь резких и непримиримых формах, как в вопросе о поле, о любви, о браке. В введении к своей книге П. Н. Евдокимов не только приводит обильный материал, выражающий обе точки зрения, но исследует его источники и показывает каким образом возникла профанирующая хула на творение Божие. «Женщина — это врата ада» (Тертуллиан), «Женатые должны краснеть от стыда за то состояние, в котором они находятся (св. Амвросий), «Всякая женщина должна быть подавлена стыдом при мысли, что она — женщина» (Климент Александрийский)... Читая подобные цитаты, невольно спрашиваешь себя каким же образом могла Церковь возвести брак в степень таинства и о чем думал апостол Павел, говоря о браке

как о «тайне во Христа и во Церковь». И, наконец, что же означают все евангельские слова о браке, о брачном чертоге, о Женихе, о Невесте, о браке Агнца!..

Задачей книги является поэтому не только защитить любовь и брак от подобного профанирования, но сублимировать их — показать их подлинную таинственность и таинственность, увидеть их в небесном свете. Эта задача в свою очередь распадается на три темы: о женщине, о любви, о браке. Огромной заслугой автора является то, что изучая эти проблемы, он неизменно стоит на строго церковной точке зрения. Но он чужд схоластики «патристического талмудизма» (ибо, как показывают вышеприведенные примеры, в творениях отцов можно при желании найти самые разнообразные и противоречащие друг другу суждения), и основывается на некоей общей линии жизни Церкви, выраженной в Писании, в Богослужении, в почитании Богоматери и святых, в отеческой письменности, в житиях подвижников... — и вообще во всей церковной реальности. Ответом на все унижительные слова, обращенные к женщине, являются главы, которые в своей совокупности, могут быть названы гимном женщине. Но этот гимн чужд какой бы то ни было трубадурной романтики: речь идет не о том или другом отношении к женщине, а об объективных «харизмах женщины», данных ей изначально Творцом. Женщина — первым делом — мать, и это материнство ее природы не зависит от того, есть ли у нее дети. Гертруд фон ле Фор написала книгу о «вечной женщине» (14). П. Н. Евдокимов говорит о «матери *in aeternum*» и это определяет самую ее сущность. «Мужчина всегда склонен поэтизировать женщину; он — неисправный романтик; а женщина и только она одна способна любить мужчину таковым каков он на самом деле, и за то, что он именно таков. Женская любовь — это самая непонятная загадка, возбуждающая в мужчине неизменное удивление». Этот материнский характер женской души находит свое увенчание в усыновлении Божьей Матери, в лице любимого ученика, всего человеческого рода.

Но этого мало: женщина является органом духа в тварной природе человека. В природе мужчины нет ничего соответствующего религиозной категории отчества; образ Божий в нем имеет иное измерение и обращен на иное; а про Божью Матерь старинный текст богородична утверждает: «Ты родила Сына без Отца, подобно тому, как Отец предвечно родил этого Сына без матери». Таким образом, материнство Божией Матери является земным отображением божественного отчества... И, наконец, женщина является местом встречи Бога и человека. Вочеловечение Слова имело место при посредстве и с свободного согласия Девы Марии. «Пречистая рекла: «раба Господня, да будет Ми по слову Твоему...» Ею и с Нею рекла это слово и радующаяся о Ней всякая тварь, ангельский собор и человеческий род, вместе со всей тварной природой, чутко приникающей и затаившейся в слышании тайны Благовещения («птица гнезда не вьет»). С Нею рекла и изрекает ныне и всякая человеческая душа... (15).

Все эти мысли получают свое обоснование в главе «Антропология». Темы этой главы переkreщиваются, частью повторяют, частью развивают другую книгу П. Н. Евдокимова о «Женщине и спасении мира»,

в которой все проблемы антропологии разобраны в свете православного учения о Богоматери (16). Обсуждать мысли автора, строящего совершенно новую систему антропологии, завело бы нас слишком далеко. Но тот факт, что книга эта уже переведена и издана и на немецком и на голландском языках свидетельствует о ее значительности и интересе (17).

Следующей темой книги является любовь. В человеческом языке нет, кажется, слова более священного и вместе с тем более скомпрометированного, чем любовь. Это двойственное отношение к любви конкретизируется и упрощается, когда многозначное русское слово «любовь» переводится различными словами, свойственными некоторым другим языкам. Наибольшей дифференциации достигает это понятие в греческом языке, располагающем для обозначения различных видов любви четырьмя словами (эрос: стремительный, порывистый, любовь-страсть; сторги: нежная, органическая привязанность; филия: задушевная, искренняя любовь внутреннего признания, личного прозрения; и суховатая, рассудочная агапи, любовь оценки, уважение) (18). В богословии прочно установилась традиция пренебрежительного отношения к эросу и восхваления агапи (с частичным забвением филии и полным забвением сторги). Ярким примером этого является нашумевшая книга шведского богослова Нигрена (19), которая, по словам о. Сергия Булгакова «хотя и содержит отдельные тонкие замечания и наблюдения, (в существе своем) страдает всей бедностью и сухостью протестантской догматики» (20). На долю П. Н. Евдокимова, вдохновляющегося священными словами Песни Песней, выпала трудная и почетная задача реабилитации эроса — по крайней мере в его «преображенном» состоянии (по крылатому слову Б. П. Вышеславцева (21). Страницы, посвященные этой теме, являются наиболее яркими и вдохновенными из всей книги (м. б. даже из всего им написанного). Но это вдохновение никогда не превращается в мечтательность (романтическую *Schwärmerei*). С большой тонкостью живописует он ложные и соблазнительные формы непреображенного эроса, воплощенного в вечных образах Дон-Жуана, Тристана, «Соблазнителя» (у Киркегора). Не довольствуясь классиками он учитывает разработку этой темы у современных авторов: Ch. Morgan'a, Durrell'я, D. de Rougemont, J. Guilton.

Сущность любви — в узрении в лике любимого того вечного и безусловного, о котором тоскует душа. «Каждый человек несет в себе свою Еву и живет в ожидании ее явления». Но когда это видение человеку дано, перед ним открываются не только двери рая, но и задача пройти тот путь, который к раю ведет. «Любовь дает встряску целому составу человека, и после этой встряски, этого «землетрясения души», он может искать. Любовь приоткрывает ему двери горних миров, и тогда веет оттуда прохладой рая. Любовь показывает ему, «как бы в тонком сне» лучезарный отблеск «обитателей», — на мгновение сдергивает пыльный покров с твари, хотя бы в одной точке, и обнаруживается бото-зданную красоту ее; дает забыть о власти греха, выводит из себя, говорит властное «стой!» потоку мятущихся помыслов самости и толкает вперед: «иди и найди во всей жизни то, что видел в полу-очертаниях и на мгновение». «Да, лишь на мгновение» (22)... Последнее слово многозначительно: оно указывает не только на задачу, которую ставит человеку видение любви,

но и на главную опасность, которая его подстерегает. Опасность эта — время, повторение, ветшание, выветривание, обыденность... Об этом писали все мыслители, думавшие о любви — острее всех — Киркегор, трагические слова которого приведены. Обращаясь к этой теме Евдокимов не только дает анализ трагедии времени, но намечает возможность ее продолжения. Любовь является прологом брака; брак — осуществлением и **преображением любви**. Без этого последнего любовь неизбежно превращается в привычку и гаснет. Смене мгновений и дней противопоставлено «le présent éternel» — вечное настоящее, каковое возможно только в перспективе воплощения абсолютного в относительном, вечного во времени, Первообраза в человеческих его отображениях. Но это и является предпосылкой **преобразования**, которое по своему существу есть обожение, причастие жизни божественной, благодатное восхождение к Богу. Глава «Образ Божий» раскрывает эту истину: «есть только одно подлинное страдание — это быть одному». И как Бог никогда не бывает один, ибо предвечная любовь связывает в Нем воедино три Лица, так же и образ его — человек — жаждет любви другого и единства с ним. «И когда муж и жена соединяются в браке, они являют собою не что либо человеческое, но образ Самого Бога» (Климент Александрийский). Брак призван быть не только малой Церковью, но образом Божиим, отсветом божественной жизни; он есть не только микро-эклисия, но и микро-базилика (малое Царство). И содержанием его является **радость**, о чем нам повторно напоминают молитвы чина венчания. Этот чин приведен *in extenso* и, удивительное дело, привычные слова, в свете предшествующего текста, получают новое (вернее обновленное) значение и цветут поистине райскими цветами...

В главе «*Institution paradisiaque*» раскрывается православное учение о том, что брак установлен Творцом в раю. Присутствие Христа на браке в Кане Галилейской подтвердило ветхозаветное таинство и открыло перед ним новые пути: вода природной любви превратилась в вино благодатной жизни... Но сущность брака — любовь — осталась той же. Этим отвергается учение католической церкви об установлении всех таинств непосредственно Иисусом Христом, так же как восприятия брака как осуществления и преобразования любви является опровержением теории св. Фомы Аквината («наиболее существенным в браке является рождение детей»), получившей окончательную санкцию в римском кодексе канонического права («первой целью брака является рождение и воспитание детей» канон 1013). «Православные тексты, когда они являются свободными от влияния западных учебников (23), единогласно видят цель брака в самой супружеской жизни мужа и жены. «Догматическое богословие» Митрополита Макария дает очень ясное и полное определение брака, в котором о рождении детей не упоминается» (следует текст этого определения)... Само собою разумеется, что райская заповедь «плодитесь и размножайтесь» сохраняет всю свою силу и значение. Но *procreatio prolis* (рождение детей) в православном сознании является благословенным следствием брачной любви, а отнюдь не ее целью.

Дав образ идеальной любви и идеального брака и показав их возможность в свете таинственной жизни Церкви, П. Н. Евдокимов обру-

шивается на современные их извращения. Последняя глава книги, посвященная современной литературе, современным нравам и современной безнравственности, дышит негодованием и гневом. Пересказать все ее положения нет возможности. Она является как бы развертыванием и жуткой иллюстрацией слов Тютчева:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует;
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознает погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит.

Современный кризис глубок и трагичен. И может быть самым существенным является в нем тот первоначальный смысл слова «кризис», который современным человеком прочно забыт: кризис значит «суд», суд Божий над человеком, противопоставившем себя Богу, суд Божий над десакрализацией жизни, над хулой на Духа...

Но то обстоятельство, что этим гневным строкам предшествует райское видение способное зажигать сердца, выводит книгу П. Н. Евдокимова из числа обличительных трудов и делает ее «*un poteau indicateur*» (24) на пути к Незаходимому Свету.

Л. Зандер.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) *Gogol et Dostoïevsky ou la descente aux enfers*, Desclée de de Brouwer. Paris, 1961, pp. 310.

Sacrement de l'amour. Le Mystère conjugal à la lumière de la tradition orthodoxe, éd. de l'Epi, Paris, 1962, pp. 268.

(2) Н. Bergson. *La pensée et le Mouvement*. p. 119.

(3) 2-ая стихира на стиховне 2-го гласа.

(4) S. Kierkegaard. *Enten-Eller*. Diapsalmata.

(5) Мы ставим это слово в кавычках, потому что сам Достоевский протестовал против того, чтобы его называли психологом: «я только реалист в высшем смысле», писал он; то-есть изобразитель сущностей, а не явлений.

(6) Философия черта является темой моей статьи «Зло и отрицание», «Грани», №№ 47 и 48 (1960).

(7) Вячеслав Иванов. «Лик и личина России», в сборнике «Родное и Вселенское», Москва, 1918, стр. 151.

(8) «Великий Дух, благодарю Тебя за лик человеческий, Тобою данный мне» — вот какова должна была быть молитва великого Гете во всю его жизнь» (Дневник Писателя. 1876 (январь), гл. I).

(9) См. об этом интересный этюд Л. Гроссмана «Живопись Достоевского» в его книге «Творчество Достоевского». И-во «Современная Проблема». Москва, 1928 г.

(10) Ср. с этим мое толкование образа кн. Мышкина как преодоление Достоевским соблазна «Женевских идей», Христианства без Христа» — перенесенного на русскую почву идеализма Ж. Ж. Руссо (см. «Тайна добра», изд. Посев, Франкфурт, 1961).

(11) *op. cit.*, стр. 151.

(12) YMCA-Press. S. A. (1933).

(13) В. Брюсов. *Habet illa in alvo*. Пути и Перепутья, т. II, стр. 105.

(14) Французский перевод Gertrud von Le Fort: *La Femme éternelle*. Ed. du Cerf, Paris, 1948.

(15) О. Сергей Булгаков «Архангельский глас» в сборнике «Радость Церковная», Париж, 1938, стр. 53.

(16) *La Femme et le Salut du Monde*. Etude d'Anthropologie chrétienne sur les charismes de la Femme. Casterman. Paris, 1958.

(17) *Die Frau und das Heil des Welt*. Manz Verlag. München, 1960.

De Vrouw en het Heil der Wereld. Forel. Rotterdam, 1961.

(18) См. об этом подробно у о. Павла Флоренского, «Столп и Утверждение Истины», глава «Дружба», стр. 396 и след.

(19) Anders Nygren. *Agape and Eros*. A study of the christian Idea of Love. London, 1932.

(20) «Утешитель», стр. 384.

(21) *Этика преображенного эроса*, YMCA-Press, Париж, 1931.

(22) Свящ. Павел Флоренский. «Столп и Утверждение Истины», стр. 395.

(23) «50-ая глава Кормчей книги (патриарха Иосифа и патр. Никола), является переводом 17 столетия римского катехизиса 1561 г. Некоторые части катехизиса Митрополита Филарета следуют Беллярмину».

(24) Пользуюсь термином *Péguu*.

ХРОНИКА

ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ Р.С.Х.Д.

Летний лагерь Р.С.Х.Д. состоялся с 16-го июля по 27-е августа 1962 г., как обычно в St-Théoffrey, Isère. Красота местности как-то располагает к духовной, культурной и педагогической работе. Лагерь разделен на две части: студенческий и юношеский отделы. В этих двух отделах работа идет разными путями.

Этим летом в студенческом лагере был прочитан целый ряд очень интересных докладов: о. Алексей Князев прочел доклад на тему: почему и как он стал священником, К. А. Ельчанинов читал о советской молодежи, еп. Сильвестр говорил о Движении и т. д. Кроме того, устроили очень удачный кружок, куда приходили только желающие и беседовали на разные религиозные темы.

В лагере провели несколько дней два студента из ливанского студенческого Движения. Рассказывали о своей работе на Среднем Востоке. Наша молодежь очень заинтересовалась их опытом работы.

Очень удачно была прочитана «Женитьба» Н. Гоголя. Раз в неделю читался доклад для старших групп, причем все доклады были посвящены А. С. Пушкину, по случаю 125-летия со дня его рождения. И. В. Морозов говорил о последних днях Пушкина, а Ю. И. Демидов посвятил ряд докладов анализу творчества А. С. Пушкина.

Е. Д. Аржаковская осуществила постановку «Евгения Онегина», которая прошла с большим успехом. Помимо этого был устроен вечер поэзии Пушкина.

Ежедневно по утрам у детей происходили занятия по Закону Божию (преподавал о. А. Князев), русскому языку и русской литературе, а остальное время посвящалось прогулкам, походам, купанью в озере, подготовке к кострам и т. д.

Условия жизни благоприятствуют для проведения религиозной жизни. На каждой литургии обычно было большое количество причастников.

Если цель движеньской работы, и, в частности, работы в лагере, есть стремление приблизить молодежь к Церкви, то летний лагерь 1962 г. несомненно многое сделал для осуществления этого.

Ницца, 5-10-62.

Ирина Зайончек

О ЖИЗНИ И РАБОТЕ В ПРИХОДЕ ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15°.

Молитвенно-литургическая жизнь, как и в прошлые годы, у нас проходила при обязательном служении 4-х литургий в неделю (в среду, пятницу, субботу и воскресенье), при вечерних богослужениях накануне литургий. Кроме того, если двенадцатые праздники или дни великих святых приходились на понедельник, вторник и четверг, то и в эти дни совершались положенные по уставу службы. На первой и четвертой неделе Великого Поста и на пасхальной седмице службы совершались ежедневно утром и вечером. Такая полнота нашего богослужебного круга возможна только потому, что в нашем приходе трудятся четыре священника.

О. Игорь Верник является вторым священником в нашем приходе, кроме работы в нашем приходе он несет труды по обслуживанию наших прихожан, по поездкам на далекие загородные требы, по посещению двух санаторий и по обслуживанию духовных нужд насельников старческого дома в Сант-Женевьев-де-Буа.

За истекший год у нас было совершено 232 литургии, 16 преждеосвященных литургий, 19 отпеваний, 15 крещений, и одно бракосочетание, и, конечно, бесчисленные панихиды, число коих учесть трудно.

Число молящихся более или менее постоянное, но за всенощными, особенно по субботам, стало приходиться меньше народу. За литургиями в воскресенье бывает от 80 до 100 человек, а в большие праздники посещаемость увеличивается вдвое.

Члены юношеской дружины Р.С.Х.Д. также принимают участие в церковной жизни. Дружина всегда берет на себя обязанности по продаже вербы и свечей в Вербную субботу, цветов в праздник Троицы. Раз в месяц, а именно в последнее воскресенье месяца, по просьбе Движения, мы начинаем литургию не в десять часов утра, а в девять часов утра. В эти дни приходят ко святому Причастию ответственные руководители Движения и члены Юношеского отдела. Очень жалко, что у нашей молодежи, которая в сравнительно большом количестве, по сравнению с другими приходами, приходит к нам в церковь, нет доброго обычая, когда она начинает самостоятельно жить, записываться в приход и вносить взносы. В храм ходят, детей приносят и приводят, исповедуются и причащаются, но не записываются в приход.

Всего записано в книгу и регулярно вносят свой взнос 111 человек, которые представляют 156 человек, ибо надо считать, что записавшиеся вносят за всю семью. Кроме того, есть еще 14 человек, вносящих самообложение единовременными взносами. Значит, можно считать, что у нас записано в приходе 156 плюс 21, т. е. 177 человек.

Староста и церковный совет: наш староста Аркадий Александрович Терентьев, проходит 3-е трехлетие. Его заботами был совершен ремонт крыши храма, причем Церковь заплатила только за матерьял. Вместе со старостой трудятся и другие члены Церковного Совета, каждому из них поручена особая область приходской работы, которую все они с большой добросовестностью выполняют.

Следует отметить плодотворную и успешную работу Содружества, под председательством Е. А. Сварчевской. За истекший год Содружество оказало помощь в размере 2.138,10 н. фр. Из общей суммы прихода Содружества в 3.075,57 н. фр. в церкви на тарелочку было собрано меньшая половина — 1.093,10 н. фр., большая половина в 1.982,47 н. фр. была собрана самим Содружеством, устройством концерта, сбором личных пожертвований.

Просветительная работа при церкви ведется Р.С.Х.Д. Многие наши богомольцы замечают, что у нас в храме и в хоре много молодежи. Все это результат деятельности Движения.

Наша четверговая школа обслуживает по преимуществу детей наших прихожан. Число учеников 90, при 11 преподавателях, из коих 2 бывших учеников нашей школы.

Настоятель Введенской церкви,
Протопресвитер Виктор Юрьев

ВЕСТНИК

Русского Студенческого Христианского Движения
XXVII-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

- Во Франции:** Подписную плату просим вносить на почтовый счет Р.С.Х.Д.: С.С.Р. Paris 2441-04, Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. Подписная плата на год: 10 Ф., с целью поддержки — 15 Ф.
- в Америке:** Mrs Olga Polivanov, 853, Riverside Dr. Apt. 4 g. New-York 32, N. Y. (U.S.A.).
- San Francisco** Miss. Olga Raevsky, 1418-24th Ave. San Francisco 22, Calif. U.S.A. Подписная плата на год: 3 долл., с целью поддержки — 5 долларов.
- в Англии:** Подписная плата на год: 15 s.
- в Германии:** Herr A. Beerwald, (14a) Dornstadt bei Ulm. Altenheim. Deutschland. Подписная плата на год: 8 немец. марок.
- в Канаде:** Mr. Oleg Revenko, 4474 Ste Catherine Str. Westmount-Montréal (P. Q.). Canada. Подписная плата: 3 канад. доллара.
- в Швеции:** Prost

Tous droits de traduction

ЧИТА

Редакция «Вестник»
просит читателей
внести плату за 1962 год и пр

Каждая Ваша по

Распростран
и знак

4001380